

Судья

Автор:

Андрей Константинов

Судья

Андрей Дмитриевич Константинов

Бандитский Петербург #2

Сергей Челищев становится «адвокатом» криминальной группировки. Горя желанием отомстить за смерть родителей, он разрабатывает тонкую операцию, чтобы посадить за решетку виновницу убийства – свою бывшую возлюбленную – Катерину. Он достигает цели – женщина оказывается в тюрьме, но тут выясняется, что она невиновна...

Содержит нецензурную брань

Андрей Константинов

Судья

© Андрей Константинов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть I

Судья

Февральские ночи в Петербурге длинные и темные. Холодный ветер бродит по пустынным улицам надменного города, швыряя в лица случайных прохожих мокрый снег. «В такие ночи хорошо быть дома, лежать на широкой кровати под толстым одеялом, прижимаясь к теплому женскому телу... А на улицах холодно и страшно. И никого, кроме бандитов и ментов, не встретишь. И еще неизвестно, кто из них страшнее». Примерно так думалось бывшему завлабу и кандидату наук, а ныне частному извозчику, медленно курсировавшему на стареньком «Москвиче» по Васильевскому острову в безнадежных поисках клиента.

На углу Малого и Детской кандидат-извозчик притормозил, чтобы «Москвич» не рассыпался на ямах и рытвинах перекрестка. Справа от машины чернело пустыми глазницами выбитых окон бывшее общежитие университета, слева начиналось Смоленское кладбище. Хоть и был бывший завлаб кандидатом очень материалистических биологических наук, но почувствовал, как суеверный страх вдруг захолодил живот. «Веселенькое место. Тут клиентов точно не будет, кроме душ неупокоившихся», – попытался приободрить себя шуткой извозчик и вдруг оцепенел от ужаса, машинально вдавив педаль тормоза в пол. Из темноты кладбища скользнула к машине черная тень. Вымазанная землей рука стукнула в стекло.

– Подбросишь, хозяин?

– Не... не... не! – забормотал биолог, судорожно ища ногой педаль газа.

– Ты что, больной? – сказала тень хриплым, но вполне человеческим голосом. – Фильмы ужасов смотреть любишь?

– Раньше любил, пока видак не продали. Жрать-то что-то надо. Спасибо родной демократической власти. Сам дурак, ее же и выбрал, – извозчика, видимо, от пережитых волнений разобрал словесный понос. – Куда ехать-то?

Человек с кладбища уже по-хозяйски усаживался на переднее сиденье. Биолог хотел было робко возмутиться, но странный пассажир вдруг выудил из кармана смятую двадцатидолларовую бумажку и положил ее перед водителем.

– Езжай пока в центр, там определимся. – Человек устало закрыл глаза и попытался откинуться в кресле.

Вывалиянного в грязи человека звали Сергеем Челищевым, и еще полгода назад он работал следователем в прокуратуре. «Неужели уже полгода прошло?» Сергей нашарил в кармане куртки сигареты, зажигалку и закурил, не спрашивая разрешения у водителя. Как ни странно, печка в раздолбанном «Москвиче» работала на совесть, и Челищев почувствовал, как приятное тепло разливается по замерзшему телу. После зимней холодной грязи котлована в салоне старенькой машины было даже уютно.

«Да, веселые дела, что делать-то будем, дядя Сережа?» – спросил себя Челищев и открыл глаза. «Москвич» выезжал на пустынный Невский.

– Центр, – намекнул водитель, опасливо косясь на пассажира. – Куда дальше поедем?

– Подожди, браток, дай подумать, – ответил Челищев, закуривая новую сигарету. Пальцы начали дрожать в похмельном колотуне. Дрожь эта, с одной стороны, мешала сосредоточиться, а с другой – заставляла соображать быстрее. По опыту Сергей знал, что через несколько минут похмелье заявит о себе во весь голос, и тогда станет по-настоящему плохо.

«Домой я не поеду. Не могу, не сейчас. К Катерине?.. Тоже не могу, не выдержу, дел наворочу... Помнится, Доктор передал, что Антибиотик мне три дня сроку дал, чтоб появиться... Отлежаться надо, оклематься, в себя прийти... Где бы упасть? Дожил – никого вокруг... Федосеич! Как же я сразу-то...»

– В Лугу поедем, – повернулся Челищев к притихшему извозчику.

– Куда?! Нет, это уже без меня... – начал было протестовать тот, но резко осекся, увидев извлеченные Сергеем из недр грязных штанов две сотенные купюры бакинских[1 - Бакинские – доллары (жарг.)].

– А... Я сейчас, мне только домой позвонить надо, предупредить, что...

– Иди, звони, – устало махнул рукой Челищев и, увидев нерешительность в глазах водителя, вымученно усмехнулся: – Да не бойся ты за свою «банку», кому нужна эта развалюха... Иди звони... Да, еще пива мне возьми пару банок в ларьке, а то меня совсем бодун забодает...

Егор Федосеевич Алексеев – в прошлом известный в Петербурге тренер по дзюдо, воспитавший не одного чемпиона. Прошел через его руки когда-то и Челищев. Федосеич любил его, выделял за прекрасную, природой подаренную технику выполнения приемов, но ставку на Сергея никогда не делал: «Злости в тебе нет, а без злости чемпионами не становятся...»

Федосеич был талантлив и авторитетен, но слишком независим и чудаковат, чтобы занимать высокие посты среди чиновников от спорта. Что-то кому-то он не так сказал или даже по роже дал какому-то деятелю... Через несколько месяцев его круто подставили, завели уголовное дело по факту хищения талонов на питание спортсменов во время сборов... Сергей, уже работавший в то время в прокуратуре города, пытался помочь, но пару лет Федосеичу пришлось-таки потоптать зону... Выйдя по амнистии, он из Питера уехал, обосновался на маленьком хуторке под Лугой, оставив городскую квартиру бросившей его молодой жене-теннисистке... После зоны Федосеич как-то сразу постарел; огородничал и жил отшельником. Изредка его навещали лишь самые любимые ученики, в число которых входил когда-то и Челищев...

К хибаре Федосеича «Москвич» доплелся лишь под утро, когда Сергей уже влил в себя четыре банки пива. Похмелье не отступало, сжимало липкими тисками грудь, сбивало дыхание и лихорадочно потряхивало все тело. Челищев еле вылез из машины, которая, тут же развернувшись, торопливо затарахтела в обратный путь...

Федосеич открыл дверь сразу, словно всю ночь поджидал Сергея. Спокойно осмотрев Челищева с головы до ног, старый тренер угрюмо поинтересовался:

– Давно запил?

Сергей измученно мотнул головой и вытер со лба испарину:

– Не помню, давно... Дней пять... или шесть.

Старик крикнул, осмотрел еще раз одежду Челищева и буркнул:

– Сымай! До исподнего раздевайся и на диван ложись, пледом укройся...

Сергей бросил одежду грязным комом у порога и со стоном опустился на старенький диван. Федосеич пошуровал в шкафу, вытащил бутылку, налил полстакана.

– Пей залпом. А то загнешься еще, пока я баню истоплю и все остальное приготовлю.

Челищев выпил. Это была спиртовая настойка с каким-то необычным привкусом, но разобраться в своих ощущениях до конца Сергей уже не смог, потому что впал в странный полутранс-полусон... Остатками сознания Сергей как-то реагировал на то, что Федосеич отнес его на руках в баню, потом заставил выпить большую кружку какого-то травяного варева, от которого Челищева долго выворачивало наизнанку, потом старик парил его и снова заставлял что-то пить. Последнее, что запомнил Челищев перед тем как окончательно провалиться в забытие, – это как Федосеич расспрашивал его, а он, еле ворочая языком, отвечал... Потом глаза старика стали расти, надвинулись на Сергея, и он утонул, растворился в них...

Он проснулся с абсолютно ясной головой, но руки и ноги были совершенно ватными, слабыми, как у новорожденного.

Челищев повернул голову и встретился глазами с Федосеи-чем, сидевшим за столом и прихлебывавшим чай из большой кружки.

– Ну что, жив, охламон?

– Еще не знаю, – честно ответил Сергей, ощупывая себя непослушными руками. На Челищеве было надето старенькое, но чистое армейское бязевое белье, но когда его переодевал Федосеич – Сергей не помнил.

– Какой сегодня день? Сколько я проспал?

Старик фыркнул в кружку.

– Продрых ты ровно сутки. Хорошо – вовремя приехал. Еще бы немного попил, и – привет горячий... Мог бы запросто лапты склеить. Ладно, давай к столу, алкашенок...

Челищев откинул старый плед, поднялся с дивана и сам не понял, как очутился на дощатом полу – ноги не держали напрочь.

Федосеич даже не переменил позы – продолжал прихлебывать чай.

– Молодец, страховку еще помнишь, в падении группируешься правильно... Чего разлегся-то?.. К столу давай. Идти не можешь – ползи... Меньше себя жалеяй, больше думай о том, что сделать надо...

Сергей заскрипел зубами и на четвереньках пополз к столу. Пока он вскарабкивался на скамью, старик налил огромную керамическую кружку какого-то горячего отвара.

– Пей. Как допьешь – гулять тебя поведу. Сам себя будешь выхаживать...

От травяного отвара Челищева пробил горячий пот.

– Мне завтра назад в Питер надо. Желательно в человеческом виде.

– Завтра? Жаль, еще бы пару денечков, ты бы у меня совсем огурцом стал... Ну завтра так завтра... Погуляем сейчас, потом поешь и снова спать будешь. А травки из тебя всю дурь выдавят. Расслабься сейчас, потом думать будешь.

Федосеич выгуливал Сергея целый день, отвлекал от черных мыслей разговорами, рассказывал разные смешные случаи из своей тренерской практики. словно по взаимному уговору, они не касались причин, приведших Челищева на хутор в таком скотском состоянии... К вечеру пошел снег. Огромными мокрыми шапками он налипал на ветви деревьев в саду, гнул их к земле... Старик перехватил взгляд Сергея на заснеженные деревья и спросил:

– Ничего это не напоминает тебе, Сережа?

– Нет. А что? – встрепенулся Челищев.

Федосеич помолчал, покачал головой укоризненно.

- Да, многое ты подзабыл... Основной принцип дзюдо был когда-то открыт человеком, который вот так же смотрел на заснеженные деревья. Снег гнет ветки, и, чтобы не сломаться под тяжестью, им нужно склониться до самой земли. Тогда снег сам соскользнет, а ветки распрямятся... Силу противника нужно использовать против него же.

- А если противников слишком много?

- Слишком много - как раз не очень страшно: они обязательно будут мешать друг другу. Тебе же нужно лишь сделать правильный отсчет своих движений. Побеждает не тот, кто самый сильный, а тот, кто правильно концентрирует свои силы в нужном направлении...

- Знать бы это направление, - невесело усмехнулся Сергей.

- Это знание живет в тебе, постарайся услышать его... Оно заложено в каждом человеке, но большинство не желает с ним считаться...

Помолчали. Покачивающиеся на ветру заснеженные ветки заворачивали Сергея, словно гипнотизировали. В шелесте снега и свисте ветра слышались какие-то знакомые голоса...

- Пойду баню топить, а там - поужинаем да и спать пораньше ляжем, - голос Федосеича вывел Челищева из оцепенения, и он тряхнул головой:

- Егор Федосеич... Я вчера вам что-нибудь рассказывал?.. Ну, такое, не совсем обычное?..

Старик усмехнулся:

- Да уж наговорил - три вагона арестантов... Не знаю даже - верить ли, или бредил ты... На антибиотик какой-то жаловался... Ты что, водку еще и таблетками какими-то заедал?

Сергей опустил глаза:

– Нет. Антибиотик – это человек такой, точнее – нелюдь. Я... Вы лучше забудьте все, что я говорил... Мог сболтнуть что-нибудь, что вам беду принесет.

Федосеич нахмурил брови:

– Ты, Сережа, за меня не решай, что мне лучше... И страшать меня не надо, поздно уже. Я все свое давно отбоялся, оттого и покой в душе обрел. Болтливостью я и смолоду не отличался, а расспросить тебя вчера должен был – мы давно не виделись, и я понять хотел, что за человек ко мне пришел.

– Ну и что за человек, каково заключение? – попытался иронизировать Челищев.

– Человек пока что... Раз душа болит... Не жалел ты, видно, душу-то свою, всю ее поранил... Ладно, пойду баню топить... За ужином поговорим, если захочешь...

После бани Сергея совсем разморило, он размяк и вдруг, неожиданно для самого себя, начал рассказывать Федосеичу все свои злоключения – подробно и без прикрас... Старик слушал, не перебивая, лишь изредка прихлебывал из кружки остывший чай. Потом они долго сидели молча, пока наконец Сергей не поднял голову:

– Что мне теперь делать-то, а, Федосеич?

Старый тренер посопел в кружку, потом взглянул Челищеву прямо в глаза.

– Это ты сам решить должен, Сережа. Только сам, и никак иначе... Одно только скажу: жизнь никогда не захлопнет за тобой одну дверь, не открыв другую... Думай, Сережа, думай... А сейчас – пошли спать. Завтра тебе вставать рано, если днем в Питере хочешь быть.

Утром Федосеич отдал Челищеву выстиранную и выглаженную одежду и подвез его на мотоцикле в Лугу.

– Ну с Богом, сынок... Я в тебя верю, ты – хороший парень, переможешь беду и себя обретешь. Меня знаешь как найти, всегда тебе рад буду. Береги себя.

Они обнялись, и Сергей, не оглядываясь, пошел на вокзал...

Днем он уже был в Питере и сразу начал искать Виктора Палыча. Антибиотик словно ждал его звонка – сидел в кабинете «У Степаныча». Особой радости, услышав голос Сергея, он не выказал и добрым дедушкой не прикидывался.

– Нашлась пропажа? Нагулялся?

– Да я, как сказали, – Доктор передавал, чтоб через три дня... – начал оправдываться Челищев, но Антибиотик перебил его:

– Ладно. Потом переговорим. Подходи к восьми вечера на угол Энгельса и Луначарского – там такой длинный дом стоит. Ко второй парадной подходи, тебя встретят и ко мне проведут. Все.

Антибиотик повесил трубку. Сергей поехал домой – переодеться и умыться с дороги. У подъезда хозяина дожидался его «вольво». Сергей погладил машину по заснеженному крылу:

– Хорошая ты моя... Смотри-ка, дождалась, не угнали тебя, на части не растащили.

С поднявшимся настроением он вошел в квартиру, долго прибирался, вытирал скопившуюся пыль, потом тщательно побрился, вымылся, надел чистую рубашку и незаметно для себя задремал в кресле. За час до назначенного Антибиотиком времени Сергей проснулся, потянулся, радуясь возвращающейся в тело силе, смастерил себе на скорую руку чашку кофе и отбыл.

«Странное место выбрал Виктор Палыч для разговора, – думал Челищев по дороге. – Интересно, почему к Степанычу не пригласил? Конспиративную хату завел, наверное...»

Двор огромного П-образного дома, стоявшего на углу Энгельса и Луначарского, был пустым и темным. Сергей вышел из машины и, не торопясь, пошел ко второму подъезду. Он не оглядывался, поэтому не заметил, как скользнули за ним три тени. Они бесшумно настигли Челищева, и внезапно Сергей ощутил, что на него сзади напялили грубый длинный мешок, через который в грудь уперлось

острое лезвие:

- Жить хочешь?! Тиха будь!

На руках Сергея щелкнули наручники, и его, придерживая с двух сторон, куда-то быстро повели. Взревел мотор автомобиля, чьи-то руки нагнули Челищеву голову, а потом толкнули в спину. Он упал на заднее сиденье автомобиля, и почти сразу его перекатали на пол. Невидимки сели в машину. Те, кто устроились сзади, поставили ноги на Сергея и на всякий случай кольнули его ножом.

- Тиха, тиха...

Машина рванулась вперед. Сергей попытался устроиться поудобнее и сразу же заработал пинок каблуком под ребра:

- Тиха, би-илять, скимаузе![2 - Скипаузе - грубое табасаранское выражение. Табасаране (табасаранцы) - народность в Дагестане.]

Волна липкого страха накрыла Челищева, но он попытался сосредоточиться и просчитать ситуацию.

«Кто это? На милицию не похоже. Совсем не похоже... Комитет? Им такой цирк зачем? Говорили с кавказским акцентом... Кто? Гурген? Зачем? Мы расстались нормально... Чечены? Зачем?! Кто знал, что я здесь буду? Антибиотик... Но могли и от дома вести. Куда везут? Спокойно, спокойно... Если просто замочить хотели - уже грохнули бы... Значит, разговаривать будут... Кто?»

Машина шла на приличной скорости, и Сергей догадался, что его вывозят за город. После резкого поворота налево дорога стала хуже, ухабы и ямы заставили похитителей снизить скорость. Машина сделала еще несколько поворотов и остановилась. Челищева грубо вытащили и, толкая в спину, заставили идти. Терпкий запах навоза, пробивавшийся даже через плотный мешок, вызвал у Сергея предположение, что он находится на какой-то ферме. Его втолкнули в теплое помещение, щелкнули ключом наручников, но только для того, чтобы, надев на каждое запястье по отдельному браслету, приковать его руки к стулу... Челищева, похоже, оставили одного. Хлопнула дверь, и с улицы отдаленно донесся чей-то голос, говоривший на незнакомом гортанном

языке... Снова хлопнула дверь, вошедший зажег свет, а потом сдернул с Сергея мешок.

Сергей огляделся. К своему удивлению, он обнаружил, что сидит прикованным к стулу в чистой и неплохо отделанной комнате, напоминавшей гостиничный номер: дорогие обои, ковровое покрытие на полу, хрустальная люстра под невысоким потолком.

Прямо перед Челищевым стоял плечистый крепыш. Его вислый нос, крепкие белые зубы и густая трехдневная щетина убедительно свидетельствовали о том, что родина незнакомца лежит где-то рядом с хребтами Кавказа.

– Ты кто такой и зачем... – Договорить Сергей не успел – крепыш ударил его подошвой зимнего сапога в лицо. От этого удара Челищев вместе со стулом кувырнулся на пол, сразу же поблагодарив судьбу за то, что пол в комнате застелен паласом.

– Э-э, давай так, я тут спрашиваю, а ты свой рот поганый будешь открывать, когда я скажу, да?

Кавказец одной рукой, рывком, поставил стул вместе с Сергеем на место, и того поразила эта страшная, какая-то первобытно-зверская сила.

– Ты куда шел, а? Куда?

Сергей молча дернул щекой и отвернулся.

– Куда шел, би-лять?

Страшный удар кулаком в лицо снова швырнул Челищева на пол. В голове зазвенело и зафонило, как в испорченном телефоне. Кавказец снова поднял стул, Сергей облизнул кровь с губ.

– Где твой хозяин, а?

Челищев сплюнул кровь прямо на пол и выдохнул:

– Хозяин у тебя есть, а я сам по себе, сам себе хозяин.

На этот раз кавказец проявил разнообразие – одновременно ударил Сергея ногой справа и рукой слева, так что стул лишь качнулся туда-сюда, но устоял. Видимо, в какой-то момент Сергей отключился, потому что, когда он открыл глаза, горец с любопытством изучал его записную книжку. Увидев, что Сергей очнулся, белозубый сын гор ткнул книжкой Челищеву в лицо.

– Это телефон... Чей? Чей?!

Книжка была раскрыта на букве «А»: кавказец показывал Сергею телефон Антибиотика, вернее, телефон кабачка «У Степаныча».

Челищев сглотнул кровь, наполнив рот, и прохрипел:

– Позвони да сам спроси... Глядишь, все и выяснится...

Кавказец распрямился, нехорошо улыбнулся и потряс книжкой.

– Умный, да? Ты сейчас у меня ее есть будешь, вместе с кожей, клянусь!..

Удар, оранжево-красные брызги в глазах... Прежде чем навалилась спасительная чернота, вспомнилась Сергею скорченная окровавленная фигурка Винта в гараже у Гургена...

Он очнулся от звука льющейся воды. Открыв глаза, Сергей увидел, как горец наполняет ванну в маленьком санузле, примыкавшем к комнате.

– Сейчас все мне расскажешь. Плавать сейчас будешь, да...

Сергей скрипнул зубами и почувствовал – один зуб слева еле держится. Челищев харкнул в кавказца, но плевков не долетел.

– Ты не горец, ты – шакал и трус. Расцепи мне руки, чурка! Будь мужчиной!

Глаза у небритого крепыша подернулись розовой пленкой.

– Что ты сказал?! Зарэжу!

«Все. Сейчас он меня забьет, – устало и как-то отрешенно подумал Сергей. – Глупо-то как... Я же вовремя пришел на стрелку. Что случилось? Люди Антибиотика должны были заметить... Меня искать должны... Или Виктор Палыч решил меня разменять?..»

Между тем Антибиотик был рядом. Виктор Палыч сидел в соседней комнате в кресле и через зеркало, прозрачное с его стороны, с недовольным видом наблюдал сцену допроса Челищева...

Когда Сергей, похоронив Гуся, исчез на несколько дней, Антибиотик впал в ярость, быстро сменившемуся самыми неприятными подозрениями... Виктор Палыч не любил, когда его люди выпадали из поля зрения, – мало ли какие возникнут контакты нежелательные... А от таких контактов и до вербовки недалеко... Правда, на Сергее висел покойный Гусь, и, мало того, Челищев сам отдал Виктору Палычу объяснительные всех свидетелей драки. Но в том-то и дело, что по этим объяснительным выходило, будто Сергей лишь защищался... Да ведь бумажки-то в один момент переписать можно...

Нет, в ментовку, к бывшим друзьям, Челищеву хода не было... Все это Виктор Палыч разумом понимал, но все же исчезновение Сергея заставляло его нервничать... Если бы только одних ментов приходилось опасаться. Через несколько дней Челищева, правда, обнаружили – в дупелину пьяного, в каком-то кабаке, заросшего и страшного... Вполне возможно, что мальчик просто стресс снимал, от убийства Гуся полученный. И все же... Береженого Бог бережет – поэтому, когда Сергей позвонил и сообщил, что вернулся и оклемался, решил ему Виктор Палыч небольшую проверочку устроить...

Своих людей, как назло, под рукой было мало – пришлось Антибиотику обратиться к группе дагестанцев, точнее – табасаранцев, возглавляемых неким Магомедом Магомедовым по кличке Мага. Эти даги были интересными ребятами. В городском раскладе они стояли особняком, не примыкая ни к «черным», ни к «белым», потому что были по сути своей чистыми наемниками. Маге было все равно, от кого получать деньги. Все это знали, и всех это до поры устраивало. Магу часто привлекали для того, чтобы склонить под крышу бизнесменов – даги устраивали беспредельный наезд на какого-нибудь барыгу, сверкали зубами и кинжалами, а потом появлялись спасители – родные русские бандиты..... Как Мага умудрился остаться живым за несколько лет такой интересной работы,

можно было только удивляться...

Антибиотик смотрел на разбитое лицо Челищева и зло покусывал тонкие губы: «Кретин черножопый... Всю идею обговнял!» Маге было поручено похитить Сергея, привезти его в загородную гостиницу, лишь недавно переделанную из обычной свинофермы, и грамотно прокачать на вшивость. Но видно, правду говорят, что самые красивые комбинации могут быть угроблены бездарным исполнением... Вместо тонкой «прокачки» табасаранец, напроць, видимо, позабыв инструкции, начал Челищева тупо бить, задавать совершенно идиотские вопросы, зачем-то совал Сергею записную книжку в лицо... «Урюк вонючий... так он сейчас ему последние мозги поотшибает... А мальчонка-то – ничего, крепко держится».

Заметив, что Мага окончательно завелся, Виктор Палыч, досадливо крякнув, решил выйти из-за кулис.

Сергей с отчаянием ждал новых, добивающих ударов, когда в комнате раздался знакомый голос:

– Хватит, Мага, завязывай! Ты и так норму перевыполнил, ударник хренов!..

Мага затормозил в полуметре от Челищева, возмущенно цокнул языком, хлопнул себя по бедрам и что-то забормотал с явным раздражением.

– Ты половочи, половочи мне еще! – озлился Виктор Палыч. – Делай, что велят! Давай, пришли кого-нибудь наручники снять – и живо отсюда!

Мага укоризненно покачал головой, остывая, недобро подмигнул Сергею на прощание и вышел за дверь. Антибиотик аккуратно, чтобы не испачкать в крови дорогой костюм, обошел Челищева и с кряхтением уселся в кресло у стены.

Сергей усмехнулся разбитыми губами – все вставало на свои места.

– Добрый вечер, Виктор Палыч, спасибо за гостеприимство, за интересный спектакль! Bravo!

Антибиотик нервно побарабанил пальцами по журнальному столику:

– Что касается спектакля, то тут мне за тобой, Сереженька, не угнаться... Ты у нас на весь Питер цирк закатываешь... С драмкружком из одного актера!

Их диалог прервал вошедший в комнату молодой дагестанец, который, покосившись на Виктора Палыча, стал возиться с наручниками, сковывавшими руки Челищева. Как только кольца браслетов разомкнулись, Сергей молча ударил кавказца кулаком в ухо. Тот отлетел к двери, упав на четвереньки, и зашипел, как кошка.

– Хватит! – Антибиотик рявкнул так, что, казалось, зазвенела люстра под потолком. А может быть, это в голове у Сергея продолжало звенеть от ударов. Сделав дагестанцу знак рукой – мол, убирайся, – Виктор Палыч резко повернулся к Челищеву:

– Ты что на черножопых срываешься?! Давай уж прямо на мне! Это ведь я им сказал с тобой, э-э-э... профбеседу провести. Правда, заставь дураков Богу молиться – они весь лоб расшибут. Как у тебя лоб-то, цел? Хорошо, успел я вовремя.

Сергей, стиснув зубы, катнул желваки на скулах и сморщился от боли:

– Значит, повоспитывать меня решили?!

Антибиотик укоризненно вздохнул, поднялся из кресла, достал из бара в стене бутылку вина:

– Ты, Сережа, щечками-то на меня не дергай... Ставки в нашей игре тебе, я думаю, известны? Побеждает сильнейший, а ты себя слабым показал... Старые люди раньше говорили: падающего подтолкни. А тебя и подталкивать не надо было... Все питерские кабаки собой обтер. М-да... Винца выпьешь?

Челищев мотнул головой.

– Вот это правильно, ты свое попил, надолго хватит... А что касается всех этих, как ты выразился, спектаклей, – Виктор Палыч обвел рукой комнату, – надо же было тебя как-то в чувство привести... Ты не один работаешь, с людьми, да вдруг взял и на всех плюнул. Коллектив такого не прощает... И хватит об этом.

Я надеюсь, ты все понял правильно и на меня, старика, не обижаешься? – Голос Антибиотика стал ласковым до вкрадчивости.

Сергей опустил глаза, чтобы не видны были загоревшиеся в них холодные черные огоньки.

– Не обижаюсь...

– Вот и правильно, – заулыбался Виктор Палыч. – Обиженных, как ты знаешь, ебут все кому не лень, или, как учит нас мудрая народная пословица, на них еще и воду возят...

Ненависть жаркой волной затопила сознание Сергея. «Ах ты, упырек! Два шага сделать, до горла дотянуться... И все! И все, отсюда я уже не выйду... Рано, рано пока...» Волна схлынула, оставив после себя липкую испарину, выступившую по всему телу...

Между тем Антибиотик продолжал:

– Ладно, будем считать, что забыли и проехали. Давай о деле поговорим. Пока ты э-э-э... развлекался, появилось много вкусной работы. Криминала никакого, всего лишь маленький ченч, который предлагают наши старые друзья из Сибири... Ты меня слушаешь?

– Да-да, Виктор Палыч, конечно, – Челищев с трудом заставил себя улыбнуться. – А что конкретно я должен делать? Обеспечить гарантию проведения сделки вместе с этими вашими гориллами?!

Антибиотик, уловив что-то в тоне Сергея, недовольно поморщился:

– При чем тут гориллы... Не о них речь, не о том ты думаешь... Гориллы сегодня есть – завтра их нет, а мы, Сереженька, будем всегда, мы мастеровые потому что. Ладно, конкретно поговорим завтра вечером. Часикам к семи подъезжай к Степанычу, выспись как следует, себя в порядок приведи...

Виктор Палыч небрежным жестом вынул из кармана костюма толстую «котлетку» долларовых купюр и бросил ее на колени Сергею:

– Это тебе... на лекарства и стоматолога. Ну-ну, не хмурься на старика. Научись причины всех своих проблем в себе находить, глядишь – и проблем меньше станет... Ты поезжай-ка сейчас прямо к Карине, в сауну, пусть они тебя по полной программе к жизни воскресят... Они там – настоящие мастера, доверяйся им смело. Карина, между прочим, – кандидат наук, не так давно еще в Лесгафта доцентом работала...

Антибиотик направился к выходу и, уже взявшись за ручку двери, оглянулся:

– Машину свою за воротами найдешь, ключи – в замке... Да, Катерине Дмитриевне позвони, не забудь... Она тут, когда ты пропал, чуть с ума не сошла и нас всех задергала – найдите да найдите! Она девушка правильная, а ты ее психовать заставил. Нехорошо. Друзья так не поступают...

Виктор Палыч сделал нажим на слове друзья, хитренько улыбнулся (очень Сергею не понравилась эта улыбочка) и вышел. Челищев долго сидел неподвижно, смотрел на пачку долларов у себя на коленях, потом взял ее непослушными, будто чужими пальцами и засунул в карман. Осторожно встал (голова гудела, но кружилась лишь чуть-чуть, можно было ждать худшего) и вышел из комнаты.

Во дворе с удивлением огляделся: он стоял в центре стандартной свинофермы, переделанной в настоящий загородный пансионат. Судя по всему, переоборудование еще не закончилось, потому что во дворе аккуратными штабелями были сложены стройматериалы, заботливо укрытые пластиковыми полотнищами...

– М-да... Бордель для одинокого бизнесмена... Эй, есть тут кто живой?!

Сергею казалось, что народу на ферме-пансионате много, только все попрятались, затаились, рассматривают его из своих нор... На окрик вышла откуда-то лишь бабка в ватнике, которая, не задавая вопросов, стала отпирать ворота. «Странно, – подумал Челищев. – А куда же Антибиотик делся?.. Ворота заперты, да и шума мотора не было... Хитрое местечко – эта фермочка...»

– Как до Питера-то добраться?

Бабка махнула рукой в темноту.

– Езжай прямо, через километр на трассу выберешься, там налево – и до города рукой подать будет...

Сергей взглянул на циферблат – стрелки отцовских часов холодно светились во мраке, подбираясь к одиннадцати. «Надо бы часы-то спрятать, уж больно приметные... Как их только Антибиотик не заметил... Ладно, поехали к Карине, Сергей Саныч, может, хоть там по морде бить не будут...»

До оздоровительного центра Челищев добрался быстро, припарковал машину у входа и, буркнув охране, чтобы позвали Карину, направился в бар. Он не успел еще развалиться в пластиковом кресле, как услышал торопливые легкие шаги.

– Ой, Сергей Александрович, что это с вами?

Карина, глядя на лицо Челищева, испуганно прикрывала ладошкой рот. Дорогой «найковский» спортивный костюм выгодно обтягивал ее сильную фигуру. Сергей улыбнулся и процитировал Семен Семеныча из бессмертной «Бриллиантовой руки»:

– Да вот, Карина, «споткнулся – упал, очнулся – гипс».

– Ой, Сергей Саныч, какая же у вас трудная работа... Кто вас так разукрасил?

– Злые люди, Кариночка, понаставили везде капканов, понимаешь... Сможешь со мной что-нибудь сделать? А то с таким лицом в демократической России по улицам ходить не рекомендуется – застрелят без предупреждения. И опознать потом не смогут...

Карина с сомнением покачала головой:

– Ну, все, что можно, мы, конечно, сделаем, но дня два-три все равно придется немножко косметикой попользоваться, если на люди выходить собираетесь... Пойдемте, Сергей Саныч, в кабинет... А в сауну вам пока не стоит: ваши украшения слишком свежие, им, наоборот, сейчас холод нужен...

Карина долго колдовала над лицом Сергея, прикладывала лед к синякам, потом наложила какие-то мази. Затем она уложила Челищева на массажный стол,

раздела и стала бегать по его телу прохладными сильными пальцами... Сергей стал расслабляться, его потянуло в сон...

Сквозь дрему он чувствовал, как Карина переворачивает его на спину, и, кроме ее пальцев, Сергей ощутил прикосновения языка. Или это Катя целует его? А может быть, Наталья? Юля? Лица женщин проносились калейдоскопом перед закрытыми глазами Челищева, он застонал, поймал рукой Карину за шею и стал глубже втискивать свой член в ее мягкие влажные губы... Видно, и впрямь Карина знала секреты массажа, потому что еще ни разу до этого Сергей не трахался во сне, если не считать юношеских мечтаний, конечно... Он кончил и, словно в обморок упал, в глубокий колодец провалился, темный, но теплый. Ничего вокруг, лишь темнота и покой, только сверху чей-то голос:

- Спи, Сереженька, ты хорошо поспишь сейчас, все силы вернуться...

Кто говорит это? Голос знакомый, а вспомнить нет сил, сил нет ни на что...

Челищев крепко спал. Карина долго смотрела на него, потом заботливо накрыла огромным махровым полотенцем, вздохнула и выскользнула из массажного кабинета.

Она прошла в пустой бар, налила себе рюмку коньяку, закурила и с усталой тоской закрыла глаза. Потом невесело усмехнулась чему-то, подвинула стоящий на стойке белый с золотом телефон, стилизованный под старину, и стала набирать номер.

- Алло, Катерина Дмитриевна?.. Добрый вечер... Да я знаю, что ночь уже, но вы говорили, если Сергей Александрович появится, сразу позвонить... Да, он здесь, у нас... Хорошо.

Положив трубку, она закурила снова, потом встряхнулась и громко сказала:

- Жорик, где ты там?! Кофе мне свари покрепче и «Амаретто» туда капни.

Маленький барменчик возник, словно прятался под стойкой и ждал этих слов. С сочувствием глянув на Карину, он засуетился у кофеварки.

- Какая подлая штука жизнь, Жорик...

Челищев просыпаться не хотел, ворчал, постанывал, не понимая, кто его будит и зачем.

- Просыпайся, Сережа... Сергей Саныч, к вам сейчас приедут.

Сергей сел на массажном столе, свесил ноги и непонимающими глазами уставился на Карину.

- Кто приедет?

Карина отвела взгляд.

- Катерина Дмитриевна... Вы уж извините, Сергей Александрович, но мне было велено, если только появитесь – позвонить...

- Так... - Челищев начал одеваться, покачивая головой. К встрече с Катей он не был готов, оттого занервничал и разозлился. Карина как-то по-детски шмыгнула носом.

- Сережа, не сердись. Я ведь человек подневольный.

Катерина ворвалась в массажный кабинет, как тайфун, цунами и ураган, вместе взятые.

- Ты... Ты позвонить мог?! Ты мог хотя бы позвонить?! Какая же ты скотина!

Сергей не успел даже рта открыть, как Катя подскочила к нему и с размаху влепила звонкую пощечину.

Сергей остолбенел. Чего-чего, а вот таких семейных разборок он совсем не ожидал.

– Ты что делаешь-то, Катя! – попытался было урезонить ее Челищев, но Катерина, судя по всему, вошла в раж – вторая пощечина обещала быть не последней, если бы Сергей не перехватил запястья Катиных рук.

– Ты что?! Что вы все меня по голове-то бьете?! Я вам что – груша боксерская?! Тоже мне, макивару нашли...

– Пусти, пусти меня, скотина безмозглая! – Катя шипела и вырывалась, как взбесившаяся кошка; опасаясь, что она начнет пинаться, Сергей развернулся к ней левым бедром.

Карина стояла у двери с приоткрытым от удивления ртом.

– Катя, успокойся, люди же смотрят!

– Вон! – рывкнула Катерина, обернувшись на Карину. Та, скрывая усмешку, скользнула за дверь.

– Я вам сейчас кофеечку приготовлю...

– Вон! – Карина исчезла, а у Кати, видимо, энергетический выброс закончился, она обмякла в руках Сергея и заплакала. – Господи, какая же я дура!

У Челищева екнуло сердце, он хотел было обнять Катерину, прижать к груди, поцеловать мокрые глаза, но всплыли в памяти голос Гургена и безвольная, окровавленная фигура Винта. Сергей почувствовал, как давит на правом запястье браслет отцовских «Сейко»... Он перевел дыхание и усадил Катю на белый пластиковый табурет.

– Какая же я дура, – повторяла Катерина с упорством испорченного граммофона.

Сергей вздохнул:

– Катя, прости меня... Я... Ты же уже знаешь все... Эта история с Гусем доконала, нервы сдали совсем, я с катушек и поехал. Словно затмение нашло какое-то...

Он чувствовал, что слова получаются какими-то фальшивыми, но, видимо, даже такие оправдания Катерине были нужны.

– Но позвонить-то можно было? Я ведь... Я ведь чуть с ума не сошла...
Сереженька... Как же ты мог...

Она обхватила Сергея руками за бедра и прижалась лицом к его животу.

В животе у него стало пусто и холодно, как при полете вниз с «Американских горок». «А как же ты могла: знать, что моих родителей убивать собираются, – и молчать?!» – чуть было не выкрикнул ей в затылок Сергей, но лишь закашлялся – язык почему-то отказывался повернуться, а в следующее мгновение он уже взял себя в руки.

– Прости меня, Катюшка, больше такое не повторится... Я обещаю...

Она судорожно вздохнула-всхлипнула и посмотрела на него:

– Горе ты мое луковое... Я... Да что там говорить... Мне два дня уже как в Сибири быть надо – Виктор Палыч в командировку посылает. Я тянула под разными предлогами – тебя хотела увидеть, убедиться, что ты жив... Вот, спасибо, убедилась... Можно лететь спокойно, самолет через три часа.

– В Сибирь? Тебе в Сибирь лететь надо? – удивился Челищев.

Он вспомнил, как Антибиотик говорил ему о предстоящей «вкусной» работе с сибирскими коллегами.

– Да, в Сибирь... А что тебя так удивило?

Сергей объяснил, и Катя устало усмехнулась:

– Похоже, мы с тобой по одному и тому же делу работать будем. Как комсомольцы в известной песне: тебе – на запад, мне – на восток.

– А что за дело-то?

– Алюминий, что же еще... Сибирский алюминий... Виктор Палыч тебе все завтра подробно расскажет, давай не будем сейчас о делах. Просто помолчим немного перед дорогой, Сереженька...

Она снова уткнулась ему в грудь лицом, а он молча гладил ее по волосам одеревеневшими пальцами... Смутно было на душе у Челищева. Женщину, которую обнимал, Сергей и любил, и ненавидел одновременно.

В оздоровительном центре было тихо, как в заколдованном спящем королевстве. Из массажного кабинета не доносилось ни звука. В баре над двумя остывающими чашками кофе неподвижно сидела, ссутулившись и подперев щеку рукой, усталая и сразу как-то постаревшая Карина...

Весь следующий день Сергей отсыпался, вставая с кровати лишь для того, чтобы поесть. Организм брал свое – на Челищева напал страшный жор, периодически сменявшийся приступами сонливости. Из этого «берложьего» состояния Сергея вывел звонок в дверь. Он открыл, не поинтересовавшись, кто звонит, – после всего случившегося за последние две недели чувство опасности почти атрофировалось. На пороге стоял улыбающийся Толик Доктор. Неизвестно почему, Челищев обрадовался ему как близкому другу, которого не видел несколько лет.

– Толян! Елки-палки, заходи, а я думал, ты с Катериной в Сибирь полетел.

Доктор несколько смешался от такого радушного приема:

– Да нет, Сергей Саныч, с Катериной Дмитриевной Танцор полетел со своими пацанами, а мне велели к тебе пристегнуться.

– Толик, ты брось меня по отчеству кликать, а то я себя дедушкой чувствовать начинаю... Пойдем на кухню, кофейку навернем, у меня, по-моему, и мороженое в морозилке есть – как знал, что ты придешь, не трогал...

Челищев, измученный тишиной пустой квартиры, неосознанно радовался появлению живого человека, оторвавшего его от бесконечных невеселых размышлений. Доктору же такое внимание со стороны Сергея откровенно

льстило, и он стал похож на большого ребенка, изо всех сил пытающегося напустить на себя важность.

– Ну рассказывай, какие новости в городе, чем братва живет, а то я сто лет уж ничего не слышал. – Говоря, Челищев накладывал Толику в огромную суповую тарелку «атомную» порцию финского мороженого. Потом разлил кофе по чашкам, присел к столу и достал сигареты. Доктор немедленно набил рот холодным лакомством и, шумно прихлебывая кофе, стал степенно излагать новости, причавкивая и негромко мыча от удовольствия.

– Ну что, все, в основном, как было, но звери совсем забыковали – пацаны со всех сторон говорят: решать что-то нужно. От них уже не протолкнуться: раньше сидели себе на рынках да у ларьков, – это еще куда ни шло, а теперь в приличное место не зайдешь – всюду черно. «Взрослым» говорили – а они все тянут, решить не могут... Опера... Даже опера не против, чтобы черножопым беспредел устроить – позавчера на «пермских» в «Виктории» мусорня наехала – всех повязали, повезли на Литейный фотографироваться, ну там, как положено, отмудохали всех..... Так вот – Водолаза двое в масках в сортир заволокли и ну ногами месить – два ребра сломали, пидоры. Так вот – месят его, а Водолаз им в уши вливает: «Что вы все время нас да нас. Когда „черных“ плющить будете, беспредел же в городе из-за них?» А ему мусоренок вроде как с сожалением: «Начальству виднее, кого в первую очередь, и не вздумайте нацменов трогать, иначе вам совсем пиздец». Так Водолаз-то потом и смекнул, что у ментов начальство «черными» прикуплено, опять зверьки проворнее оказались. Ну а сейчас все ждут, до зверьков все с дорогой душой дорвутся, только свистни...

Доктор солидно вздохнул и снова навалился на мороженое. Сергей изо всех сил старался не улыбнуться.

– А так – особых новостей-то нет... Александра Иваныча еще при тебе посадили – так и сидит... Голодных много появилось, с головой совсем не дружат, молодые какие-то, борзые. Да, дуэль у нас тут намечается: Клейстер-Казанец с нашим Женькой Питоном из-за женщины всерьез стреляться собрались – на Коркинских озерах, картечью. Ну дети, ей-богу... Женька-то ее у Клейстера отбил, ну тот и завелся... Придется завтра с Ноилем встречаться, перетирать это дело, а то придумали – мало нас менты мочат, так еще и сами друг друга...

– Толик, а «казанцы» – они же мусульмане, значит – тоже «черные»?

Доктор надолго задумался, потом покачал головой:

– Нет, то, что не «черные», – это точно, они в уважухе, хотя и беспредельщики, но и не наши они – это ясно. Они – между... Да! – Толик хлопнул себя по лбу. – Чуть не забыл подарок-то передать, Катерина Дмитриевна велела...

Доктор полез во внутренний карман куртки и достал оттуда черную трубку-радиотелефон.

– «Дельта»! Крутая штука, только денег жрет – немерено... Но тебе уже положено, сейчас все пацаны серьезные при трубках – удобно и быстро...

К кабачку «У Степаныча» Сергей с Доктором подкатили за две минуты до назначенного времени. Толик остался в машине, а Сергей вошел внутрь. Он не был здесь с того самого дня, как увез Гуся... Интерьер не изменился, а вот лица официанток и барменов были Челищеву незнакомы: видно, после той истории Степаныч решил от греха сменить персонал... Антибиотик, как всегда, сидел в кабинете, потягивал красную «Хванчкару». Впрочем, потягивал, пожалуй, громко сказано – один бокал густого красного вина Виктор Палыч мог мусолить весь вечер...

– Сереженька, заходи, садись... Поужинаешь со стариком? – Антибиотик вновь изображал из себя ласкового дедушку, искренне радующегося внуку, из чего Сергей понял, что его грехи – списаны. До поры.

– Не откажусь, Виктор Палыч. Что-то ем и ем, наесться не могу...

– Так организм-то молодой, ему топливо нужно... Сейчас все мигом накроют, а я тебе пока тему обрисую.

Прислуживать пришел старый официант, знакомый Челищеву. Время от времени халдей бросал опасно-уважительные взгляды то на Сергея, то на Антибиотика, и у Челищева от неприятных воспоминаний засосало под ложечкой...

Когда ужин был подан и они остались вдвоем, Виктор Палыч неторопливо начал говорить:

– Как ты знаешь, Сережа, я никогда за криминалом не гонялся, наоборот, всегда считал, что чем ближе к закону – тем безопаснее... Есть, правда, отдельные, из ума выжившие – в «мерседесах» ездят, но раз в месяц идут карманы по трамваям шарить – мол, по понятиям это... Ну да не о них речь. – Лицо Антибиотика зло перекопилось, видно, все-таки занимали его мысли те, кто за понятия цеплялся... Сделав над собой усилие, Виктор Палыч продолжил: – Так вот, в той теме, которую мы сейчас начинаем, криминала нет. Ну почти нет. А суть в том, что через несколько дней из Красноярска должен прийти эшелон с алюминием... У этого эшелона трудная, но интересная судьба, которая нас, в принципе, волновать не должна... Нас должен в конечном итоге заботить только один вагон, который совместными стараниями превратится из гадкого утенка в прекрасного лебедя...

Антибиотик говорил долго, временами опускал некоторые подробности, но интуиция и опыт бывшего следователя помогали Челищеву воссоздать «выброшенные за ненадобностью» Виктором Палычем кусочки мозаики... Картина вырисовывалась простая до гениальности.

В далекой заснеженной Сибири пыхтел трубами комбинат, выплавляющий алюминий. Часть алюминия отправлялась потребителям, а часть накапливалась на заводе – так называемые брак, неучтенка, полученные игрой на минусово-плюсовых допусках, а также металл, оставляемый на комбинате для «внутренних нужд». Быстро ли, медленно ли, но постепенно накопилось такого «левого» металла вагонов шесть-семь. Его нужно было реализовывать, потому что, оставаясь на комбинате, он был просто металлом, а попав, к примеру, в Эстонию, превращался в поражающую воображение кучу долларов...

Для того чтобы алюминий дошел хотя бы до Петербурга, нужно проделать уйму бумажной работы – и работа такая проделывалась специалистами из структур так называемой «старой торговой мафии». Воротила из Сибири Семен Андреевич Бородатый, по кличке Хоттабыч, хорошо знал главу питерской фирмы «Глиноземтехинвест» Ашота Саркисовича Гаспаряна – еще по тем временам, когда сам жил и работал в Ленинграде. Семен Андреевич договорился с Ашотом Саркисовичем, и оба начали готовить необходимые бумаги и нужных людей. Сделка сама по себе не была такой уж сложной – на бумаге такие сделки можно проворачивать хоть каждую неделю, но в жизни все часто получается не так,

как задумываешь, особенно в новой России, где так много появилось хищных острозубых ртов, готовых выпиться в чужой каравай... Поэтому коммерсантам было никак не обойтись без серьезных «охранных структур», которые должны быть кровно заинтересованы в успехе алюминиевого проекта. Гарантом Хоттабыча в Сибири выступал вор в законе Сэм, Гаспарян же замыкался на Антибиотика.

Переговоры между сибиряками и питерцами были сложными и многоэтапными – и не потому, что стороны опасались «кидка» со стороны друг друга: совсем непросто было определить меру ответственности за алюминиевый состав на различных этапах, а отсюда непосредственно вытекали вопросы величины долей. Важно было также обсудить, кто, где и сколько кому отстегивает за «официальность».

В результате договорились, что один вагон из состава реализуется в пользу Хоттабыча, Сэма и его людей, один – дербанится Гаспаряном и Антибиотиком сотоварищи, а остальное уходит в бездонный карман чиновников и начальников вечно голодного российского служивого сословия... Но игра стоила свеч, потому что за один только вагон алюминия можно было выручить не десятки и не сотни тысяч долларов, а миллионы...

– В общем, Сережа, – подвел итог Антибиотик, – наша работа в наших руках. Катерина Дмитриевна контролирует процесс непосредственно в Сибири. Завтра к нам прилетает Семен Андреевич с ксерокопиями документов. Ты возьмешь наших ревизоров и подъедешь к нему – он остановится в «Пулковской», – пусть проверят, чтоб все в ажуре было. Доверяя – проверяй, я Сэма давно знаю: он всю жизнь считал, что «лоха кинуть не запахло»... Если с документами порядок, везешь Семена Андреевича к Гаспаряну – пусть они дальше сами нюансы дорабатывают. А ты с людьми встречаешь состав – его должны загнать на овощебазу. Контролируешь и охраняешь перегрузку алюминия в «КамАЗы». Смотреть нужно в оба, потому что в Питере сейчас немерено голодной братвы развелось. Я уж не говорю о «черных», которые с гор спустились, где коз трахали, а здесь у нас впервые баб попробовали и сразу захотели с ишаков на «мерсы» пересесть... Спидоносцы... А работать никто не хочет, все хотят все и сразу.... Потому, Сережа, задача у тебя важная и ответственная – быть в готовности ударить по чужим и жадным рукам загребушим... Пройдет все нормально, зашуршат бумажки в кармане – сразу поймешь, Сережа, что лучше – водку пить или работать. Не сочти за намек, но Карл Маркс в свое время правильно сказал: труд создал человека. А Карл Маркс, как все евреи, был

мужичком неглупым, в капиталах толк знал...

Виктор Палыч засмеялся, переводя дух после долгой речи. Сергей задумчиво курил. Масштабы и размах деятельности Антибиотика почти физически давили на него.

– Моя какая доля? – он не ожидал от себя этого вопроса, но Виктор Палыч, похоже, ни капельки не удивился.

– Ну давай прикинем: мы получаем «чистый» вагон со всеми необходимыми документами – лицензиями-разрешениями. С этого вагона – треть Гаспаряну и его людям (коммерсантов, Сережа, беречь надо, иначе они работать не будут), треть – мусорам, извини-подвинься (генералы тоже люди, тоже кушать хотят. Генерал – это ведь не должность, Сережа, это счастье), ну, а треть – нам... И вот с этой трети – твои... Ну, скажем, три процента.

– Всего три?

Антибиотик нахмурился:

– Работать надо, а не достоевщиной заниматься... Тогда будет не три процента, а пять... И то, заметь, ты уже в доле работаешь.

– Мне же ребят кормить надо, – Сергей интуитивно почувствовал, что именно торгуясь, как на восточном базаре, он сможет заслужить больше доверия у Антибиотика, успокоив его подозрительность...

– Ты за братву не беспокойся, накормим, на крайняк – сами недоедим. У них доля особая, ты за них не переживай. Я говорю чисто о твоей доле. Она тебе нравится? Это очень большие деньги, Сережа... К таким деньгам, кстати, нужно осторожно относиться, с непривычки можно и не переварить, отравиться...

Сергей кивнул:

– Нравится. Мне все очень нравится, Виктор Палыч. Когда Бородатого встречать?

– Завтра в десять утра в центральном холле «Пулковской» увидишь человека лет пятидесяти с коричневым кейсом. Это и будет Хоттабыч. Ты у него спросишь: «Не хотите ли джинну с тоником?» А он ответит: «Я сам джинн...»

Виктор Палыч посмеялся над остроумностью пароля и отзыва. Сергей тоже хмыкнул – за компанию.

– Хоттабыч – странное какое прозвище... За что он его получил?

Антибиотик сделал удивленные глаза:

– А ты, Сережа, о нем ничего никогда не слышал? Ну да, ты в те времена еще совсем молодым был. Хоттабыч – действительно волшебник в своей сфере... Вот, дай Бог, закончим все с этим алюминием – я тебе расскажу о нем кое-что. У таких людей учиться надо, он – живая, можно сказать, история...

Мотнув отрицательно головой на вопрос Виктора Палыча – слышал ли он раньше о Хоттабыче, Сергей покривил душой. Легенду про этого человека в городской прокуратуре знали даже стажеры, но Челищев считал ее просто следаковской байкой, не подозревая, что главный ее герой жив и здравствует.

Якобы был когда-то давно Хоттабыч городским чиновником средней руки. И построил он большой девятиэтажный дом, и даже заселил его людьми, и подключил ко всем коммунальным службам. Фокус был в том, что и сам дом, и люди, в нем жившие, существовали лишь на бумаге, а на самом деле на том месте, где якобы жили счастливые новоселы, был пустырь... Все стройматериалы и финансовые затраты ушли налево – на дачи нужным людям... Больше года существовал по бумагам дом-призрак. Потом возник акт о просадке почвы из-за грунтовых вод в месте расположения дома, и его решено было расселить и разобрать. Люди, которые до того не покидали своих коммуналок во временном фонде, получили наконец квартиры в разных концах города, а дом-призрак, вызванный из небытия заклинаниями Хоттабыча, в небытие и вернулся...

Легенда эта постепенно обросла красочными подробностями. Приходилось Сергею слышать, что позже Семен Бородатый открыл по аналогии магазин-призрак, который функционировал долго и успешно... Много чего говорили, но Челищев не очень верил в эти сказки, поэтому и невнимательно их слушал, о

чем, впрочем, пожалел сразу, как услышал кличку Хоттабыч из уст Антибиотика...

Когда утром следующего дня Сергей вместе с Доктором и тремя его бойцами вошел в центральный холл «Пули» (так было принято называть «Пулковскую» среди братвы), сибирская «делегация» их уже поджидала. Точнее, никакой делегации не было. Хоттабыч – пятидесятилетний полный мужчина в старомодном костюме, сидел в одиночестве, прижимая к животу дорогой кейс из коричневой натуральной кожи. Сергей удивился было отсутствию охраны, но потом заметил двух прилично одетых молодых мужчин, читающих газеты в нескольких метрах справа и слева от Семена Андреевича. Эти люди не производили впечатления раскоченных монстров, они вообще не бросались в глаза, но их жилистые фигуры, спокойствие и уверенно-плавные движения говорили понимающему человеку о многом.

Челищев осмотрел свою команду и ощутил некоторое смущение, как если бы он ввалился в оперный театр в болотных сапогах и ватнике, шокируя приличную публику. Хоттабыч еще раз подтвердил известную, в общем-то, Сергею истину, что теневые финансово-промышленные воротилы почему-то очень не любят видеть рядом с собой быков, какими норовят себя окружать разные мелкие спекулянты из ларьков, магазинчиков и бензоколонок. Серьезные люди прилично одеты, прилично говорят и окружают себя приличными людьми, что не мешает им быть суперпрофессионалами.

Обменявшись словами пароля и отзыва (Хоттабыч, произнося свои слова, еле сдерживал усмешку), Челищев и Бородатый пожали друг другу руки.

– Ну-с, молодой человек, будемте работать? Время – деньги, я предлагаю подняться наверх в номер и посмотреть документацию.

Сергей согласно кивнул:

– Конечно, Семен Андреевич, только я в этом не специалист, через десять минут подвезут нашего эксперта, он и проверит все...

– Разумно, – Хоттабыч встал и назвал Сергею номер своей комнаты. – Только я вас очень прошу – оставьте своих... э-э-э... коллег внизу. В номере они нам не понадобятся. Пусть в автоматы здесь поиграют, что ли. – Бородатый улыбнулся и

добавил: – Я, естественно, имею в виду игровые автоматы.

Челищев усмехнулся. Семен Андреевич был обаятельным человеком с мягким и тонким чувством юмора.

Через десять минут, точно по графику, подвезли эксперта. Им оказалась седая женщина лет шестидесяти – пенсионер-ревизор, подрабатывающая в частной фирме «Аудитор». Похожая на Шапокляк сухонькая старушка была одета бедно и, вероятно, работала, чтобы как-то помочь своим детям и внукам.

Когда Челищев со старушкой вошли в названный Хоттабычем номер, открывший им на стук Семен Андреевич вытаращил от удивления глаза:

– Вот так встреча! Это и есть ваш эксперт, молодой человек? Bravo! Наталья Сергеевна – замечательный специалист, могу засвидетельствовать это лично...

Старушка опустила голову, и на ее впалых щеках стали выступать красные пятна. Сергей, ничего не понимая, крутил головой – от Хоттабыча к Наталье Сергеевне. Между тем Бородатый развалился в кресле и залился жизнерадостным смехом:

– Ой, не могу! Узнаю юморок питерских друзей... Ну-ну, Наталья Сергеевна, не смущайтесь и не делайте вид, что меня не узнаете... Помнится, во время последней вашей ревизии моего бывшего хозяйства я говорил, что мы еще встретимся. Вы меня тогда еще жуликом называли, а я пытался вам объяснить разницу между жульничеством и коммерцией. Не смог я вас тогда убедить, и пришлось мне сменить климат на более суровый... Впрочем, в тех местах, куда я попал, люди оказались более дальновидными, умеющими видеть перспективу... В результате – время все расставило по своим местам, не находите, Наталья Сергеевна? Да вы не переживайте так, я зла не помню, больше того, поверьте, я искренне рад вас видеть! Спасибо друзьям – устроили мне свидание с молодостью... Нет, правду говорят, в какой-то момент нужно в корне менять жизнь и начинать все сначала...

Наталья Сергеевна поджала дрожавшие от унижения (а может быть, и страха) губы и прошла к столу, на котором Хоттабыч разложил документы.

– Это – ксерокопии, а сам состав придет в Питер через три дня, – сказал Бородатый, обращаясь к Сергею. – Располагайтесь, молодой человек, расскажите мне, чем живет Северная Пальмира? Давненько я не был в ваших краях...

Пока Челищев с Семеном Андреевичем вели неспешную светскую беседу, Наталья Сергеевна, надев старомодные очки, начала изучать кипу документов. Работала она быстро, профессионально, время от времени доставала из принесенного с собой детского портфельчика какие-то справочники и что-то там искала... Примерно через час с небольшим она сложила все бумажки в аккуратную стопочку, сняла с носа очки и, убрав их в чехольчик, сказала, обращаясь к Сергею:

– Документы сомнений не вызывают. Я могу быть свободна?

В ее тоне сквозило тщательно маскируемое презрение к Челищеву, Бородатому, да и к самой себе, наверное, тоже. Жалость острой иглой кольнула Сергея, и он поднялся навстречу старой женщине:

– Конечно, конечно... Спасибо, Наталья Сергеевна, вас проводить?

– Не стоит. Дорогу я найду сама. Всего доброго. – Она слегка нагнула голову и, не встречаясь глазами с разулыбавшимся Хоттабычем, вышла.

Семен Андреевич покачал головой:

– Нищая старость – это ужасно... Все-таки удивительное у нас государство – больше всего обижает именно тех, кто фанатично его защищает... Хотя, может быть, это высшая плата за фанатизм? Как знать, как знать...

Он оторвался от своих размышлений вслух и повернулся к Сергею, подтолкнув к нему документы:

– Забирайте, молодой человек, это ваше. Отдайте их Гаспаряну – и я жду от него звонка. Я Ашотика не видел... Позвольте... Да, больше пятнадцати лет... Господи, как бежит время! Вам этого еще не понять... Пятнадцать лет! Вы не поверите, но пятнадцать лет назад уважаемая Наталья Сергеевна была еще

женщиной вполне в соку – а сейчас... Все мы не молодеем... Да, так вот – я буду отсыпаться и отдыхать. Выходить из гостиницы не собираюсь, так что Ашот сможет меня найти немедленно. Всего доброго – но мы, как я понимаю, не прощаемся.....

Сергей спускался в холл и удивлялся, как в течение такого короткого промежутка времени один и тот же человек может сначала полностью обаять, а потом вызвать чувство брезгливого омерзения. А именно это чувство зашевелилось в груди Челищева, когда Хоттабыч, похохатывая, покровительственно смотрел на Наталью Сергеевну.

Выйдя из гостиницы в компании Доктора и его братков, Челищев вынул радиотелефон и, ловя на себе почтительные взгляды прохожих и испытывая от этого какое-то детское удовольствие, набрал номер офиса «Глиноземтехинвеста». Ответила, видимо, секретарша.

– Будьте добры Ашота Саркисовича.

– Одну минуточку, а кто его спрашивает?

– Это Сергей Челищев, адвокат...

Через несколько секунд Гаспарян взял трубку.

– Ашот Саркисович, это Челищев. Я только что забрал документы у Семена Андреевича...

Договорить Сергею Гаспарян не дал:

– Молодой человек, не надо по телефону. Зачем эфир сотрясать, посторонних людей беспокоить... Приезжайте, поговорим...

В трубке раздались гудки отбоя. Челищев кивнул Доктору и пошел к своему «вольво». Доктор с братками уселся в «BMW». Ехать пришлось почти через весь город – офис «Глиноземтехинвеста» располагался на Большом проспекте Васильевского острова. По дороге Сергею показалось было, что к ним «хвостом» прицепилась белая «девятка», но на Университетской набережной эта машина

исчезла, оставив быстро растаявший холодок недоброго предчувствия.

Видимо, в офисе «Глиноземтехинвеста» раньше была большая коммунальная квартира, новые хозяева, не жалея средств, превратили ее в настоящий дворец.

Охрана, вероятно, была предупреждена заранее, потому что коротко стриженный парень, похожий на бывшего офицера, никаких вопросов Сергею не задавал, лишь скользнул опытным взглядом по фигуре, отыскивая пистолетную выпуклость, и, не обнаружив таковой, проводил Сергея в приемную.

Секретарша, как и все в этом неприметном с улицы офисе, была высшего качества – длинноногая, большеглазая, в мини-юбке и строгом деловом жакете. Она приветливо распахнула глаза навстречу Челищеву.

– Ашот Саркисович сейчас занят – несколько минут, не больше. Может быть, выпьете чашку кофе?

– Из ваших рук – с удовольствием, – улыбнулся Сергей и развалился в мягком кожаном кресле. Из-за двери, ведущей, видимо, в кабинет Гаспаряна, доносились еле слышные голоса. Учитывая, что звукоизоляция в офисе была отличной, разговор там, судя по всему, шел на повышенных тонах. Секретарша между тем вертелась в приемной. Приготавливая кофе, она умудрилась нагнуть невероятное количество раз, так что Челищев успел рассмотреть ее задницу во всех возможных ракурсах и подробностях. Будучи уже достаточно тертым по разным хитрым офисам человеком, Сергей не относил суету девицы исключительно на счет собственного мужского обаяния: он знал, что в некоторых конторах на должности секретарш брали проституткок-профессионалок, задачей которых было отвлечь посетителей, сбить их деловой настрой.

Обитая черной кожей дверь в кабинет Гаспаряна резко распахнулась, и оттуда выскочил красный всклокоченный человек в костюме-тройке. Его очки и козлиная бородка были явно знакомы Челищеву, но он не смог сразу вспомнить, где раньше видел это лицо. А тут еще и секретарша эта с кофе и задницей в придачу.

– И запомни – про проблемы я слушать не желаю! Их последнее время из-за тебя что-то слишком много стало! – донесся рассерженный голос хозяина кабинета.

Козлобородый машинально втянул голову в плечи и шмыгнул к выходу мимо секретарши, не удостоившей его даже взглядом. Мысли Сергея перебил Гаспарян – красивый, абсолютно седой сухощавый армянин вышел из кабинета, смахивая ладонью с лица сердитое выражение:

– А-а, Сергей, если не ошибаюсь, Александрович? – Гаспарян, видимо, был из давно обрусевших армян: по-русски он говорил без малейшего акцента.

– Не ошибаетесь, – рассеянно ответил Челищев, все еще пытаюсь вспомнить, где видел козлобородого. Почему при виде его так прыгнуло в груди сердце и испортилось настроение?

– Леночка не успела еще вас попотчевать... кофеечком? – с двусмысленной паузой спросил Ашот Саркисович.

– Нет, только собиралась... приступить, – улыбнулся Сергей. Гаспарян рассмеялся, Леночка улыбалась, скромно покраснев. В приемной сразу установилась игривая атмосфера легких дружеских подначек и милых шуток в рамках приличия. Будто и не доносились минуту назад сердитые выкрики из кабинета.

– Ну-с, пожалуйста в кабинет, а кофе попьем вместе. Леночка, мне, как всегда, послаще!

В кабинете Гаспарян взял копии документов, переданных Челищеву Бородатым.

– Все в ажуре, Наталья Сергеевна проверила внимательно. Да, Семен Андреевич был приятно удивлен этой встречей.

– Ха-ха, узнал все-таки... Хотя такое вряд ли забудешь... Я слышал, молодой человек, и вам приходилось людей за решетку отправлять?

Сергей напрягся.

– Приходилось.

– Нет, нет, Сергей Александрович, не подумайте, я это не в упрек вам сказал. Наоборот, я как раз всегда больше ценил людей с... э-э-э... разносторонним жизненным опытом.

Возникшую было неловкость в разговоре сгладила Леночка, появившись с кофейным подносом в руках. Она тщательно расставила чашки, сахарницу и кувшинчик со сливками на столе, показала по очереди свою попку Челищеву и Гаспаряну и упорхнула.

– Итак, Семена вы встретили... – перешел к деловой части беседы Гаспарян. Мелко прихлебывая из крошечной чашечки, он ожидающе смотрел на Сергея.

– Да, все без накладок. Он ждет вашего звонка.

– Страшно подумать, сколько лет мы не виделись... – Ашот Саркисович вздохнул. – Вы, Сергей Александрович, как я понимаю, будете курировать м-м-м... вопросы безопасности нашего э-э-э... проекта?

Челищев кивнул.

– В таком случае вот что я попрошу вас сделать: вам придется вновь навестить Семена Андреевича и передать ему: я с нетерпением жду мгновения, чтобы его обнять, но, рискуя прослыть негостеприимным хозяином, вынужден констатировать, что это время еще не пришло. До того как груз со всеми лицензиями и зеленым светом уйдет к рыбоедам, наша личная встреча может быть неправильно истолкована э-э-э... заинтересованными сторонами. Семен – умный человек, и я уверен, что он все поймет правильно...

Сергей пожал плечами.

– А почему вы не хотите все это сказать ему по телефону?

Гаспарян усмехнулся и поставил пустую чашечку на стол.

– С некоторых пор я абсолютно перестал доверять телефонам, факсам и телексам, чего и всем желаю. Возможно, кому-то я покажусь смешным, но это обстоятельство меня волнует мало. Лучше лишний раз перестраховаться, чем

потом локти себе кусать. Если будет что кусать и чем... Все это, естественно, не означает, что мы с Семеном Андреевичем вообще не будем общаться. Но на данном этапе, я полагаю, это общение следует вести через доверенных лиц. Одно из таких доверенных лиц – вы, Сергей Александрович, – Гаспарян сделал легкий полупоклон в сторону Челищева. – Другое лицо навестит Семена сегодня в двадцать ноль-ноль. Пожалуй, у меня на сегодня все. Рад был познакомиться, место и точное время прибытия груза вам сообщат через два дня. Если у вас нет больше ко мне вопросов... – Ашот Саркисович развел руки, выказывая сожаление, что нет, мол, времени подольше пообщаться с таким приятным собеседником.

Челищев встал, попрощался и вышел. Покидая приемную, он послал Леночке воздушный поцелуй. Она профессионально улыбнулась в ответ и, закинув ногу на ногу, продемонстрировала Сергею «на посошок» аппетитное крутое бедро, обтянутое тончайшими колготками.

Выйдя на улицу, Челищев закурил и попытался разобраться в своих ощущениях. Он испытывал смутное беспокойство, тревогу и одновременно возбуждение – как хищный зверь, почуявший свежий след... Человек в очках из приемной Гаспаряна... Почему все время вспоминается его лицо? Где-то Сергей его уже видел... Подошел Доктор – он с бойцами оставался на улице, контролируя вход.

– Адвокат, все в порядке? Ты что смурной такой, босс?

Челищев растоптал окурок каблуком.

– В порядке-то в порядке, но в «Пулю» еще раз прокатиться придется...

Доктор пожал плечами – мол, надо так надо, какая разница, куда ехать, все равно весь день на колесах.

– Толик, тут минут десять-пятнадцать назад мужик один из офиса вышел...

Доктор кивнул:

– Очкастый? Вылетел, как в жопу трахнутый. Его «Волга» ждала с госномерами.

– А ты его раньше нигде не видел? Не знаешь, кто такой? Лицо у него, понимаешь, знакомое, а вспомнить никак не могу...

Толик глубоко задумался, наморщил лоб, подергал себя за мочку уха, потом отрицательно покачал головой:

– Не видел... Да я, если честно, его и не рассмотрел, я же говорю – он, как наскипидаренный, в «волжанку» прыгнул и укатил...

– Ну ладно... По машинам, погнали в «Пулю»...

Бородатый переданному Сергеем сообщению не удивился, рассмеялся весело, с еле заметным оттенком снисходительности:

– Ашотик всегда любил детективы. Когда-нибудь он со своей шпиономанией... – Хоттабыч оборвал себя на середине фразы и поскреб указательным пальцем переносицу. – А впрочем, он прав. Всю жизнь с тройной страховкой работал, потому и у хозяина на даче[З - На даче у хозяина – в зоне (жарг.).] не бывал... Потому что умный. Вот некоторые считают, что по-настоящему умным можно стать только после зоны... Чушь все это, Сережа. В зоне можно только опыта поднакопить, а ума она не прибавляет. По-настоящему умные – они на воле. За редким исключением, – Семен Андреевич сам себя погладил по голове и снова рассмеялся: – Ну что же, не взыщите, Сережа, что пришлось вас погонять туда-сюда, а сейчас, наверное, можно и отдохнуть. Основная работа начнется через три дня...

У Сергея было сильное искушение подъехать к «Пулковской» вечером и понаблюдать, какое такое доверенное лицо от Гаспаряна подъедет к Хоттабычу, но после недолгих размышлений он эту идею похоронил. Во-первых, гонца он мог не знать в лицо, а народу в «Пулковской» шляется разного, как говорится, немерено. Во-вторых, его самого могли при наблюдении «срисовать», и возникли бы неприятные вопросы. В-третьих, время, названное Ашотом Саркисовичем, могло сильно отличаться от реального времени встречи (учитывая страсть Гаспаряна к конспирации, он мог вполне использовать метод «плюс-минус», когда для вычисления истинного времени нужно прибавить или отнять несколько часов от названного). Поэтому Челищев съездил к Антибиотику, доложил о результатах дня и отправился домой отдыхать. Лежа на диване перед включенным телевизором, он в который раз задавал себе вопрос: «Что

делать?»

«Чего ты хочешь, дядя Сережа?.. Как ты думаешь дальше жить? – спрашивал он сам себя и постепенно начал формулировать ответы: – Я хочу отомстить».

«Отомстить?»

«Ну, скажем так, рассчитаться. Воздать по заслугам. За папу с мамой, за себя... За Федосеича, бабу Дусю и Наталью Сергеевну, за всех тех, кто сам за себя рассчитаться не смог...»

«Ты что, с мафией собираешься бороться? Смешно».

«Не с мафией. И не бороться. Я хочу рассчитаться с конкретными людьми».

«Мечь – это блюдо, которое подают холодным...»

«Да, я помню об этом. Я буду ждать удобного момента... Я буду ждать».

«А ты уверен в своем праве на суд? „Не судите, да не судимы будете“, – сказано в Писании».

«Уверен. И суда над собой не боюсь. Мой Бог в моей душе. И суд тоже...»

Этот внутренний диалог с самим собой, как ни странно, успокаивал Челищева, убаюкивал его вместе с монотонным бормотаньем телевизора... Веки стали тяжелыми, потянуло в сон. Вдруг что-то словно толкнуло Сергея и заставило его, стряхнув дрему, впиться глазами в экран. Козлобородый! Ну да, конечно, как же он сразу не вспомнил!

По пятому каналу шла информационная программа «Факт». Корреспондент рассказывал об очередном заседании депутатов горсовета. Крупным планом показывали стоящего на трибуне Мариинки человека, которого Сергей видел у Гаспаряна.

«...депутат Валерий Глазанов обратил внимание на недостаточное финансирование правоохранительных структур Петербурга. При неуклонном

росте преступности в городе и по всей стране его выступление можно считать весьма актуальным напоминанием простой истины, что прежде чем требовать чего-то от нашей милиции и прокуратуры, следует обеспечить условия для их нормальной работы...»

Точно! Валерий Глазанов, депутат Петросовета, комиссия по правоохранительным органам! Страстный трибун, борец с коррупцией и организованной преступностью... Сергей вспомнил тон, которым Гаспарян разговаривал с Глазановым. Ну и ну... Хотя чему, собственно, удивляться? Как правило, громче всех «Держи вора!» кричит сам вор...

Сергей закурил. Облегчение, которое наступает после того как вспомнишь то, что долго мучило подсознание, не наступало. Что-то еще было связано с Глазановым, где-то еще Сергей его видел... Но сколько ни напрягал Челищев свою память – она молчала... Сигарета догорела в пепельнице, и пришел глубокий сон.

Утром Сергей решил привести себя в нормальную физическую форму. Получасовая зарядка заставила его взмокнуть, как испуганную мышку. «Да, запустил ты себя, дядя Сережа... Жирком оброс, дышалки никакой...» Тело было рыхловатым и плохо слушалось команд, посылаемых мозгом. Оно словно мстило Челищеву за небрежение к себе. «Ничего. Потихонечку, полегонечку... Диетка, зарядка. Пьянству – бой, опять-таки...» – утешал себя Сергей, принимая душ.

Вода приносила ощущение свежести и очищения.

Весь день он проездил с Доктором по мелким текущим стрелкам, усердно выполняя наказ Антибиотика: «Тебе, Сережа, сейчас нужно себя показать, чтобы братва не думала плохо... Пацаны, между прочим, работали, пока ты в бухалово опускался».

Вот Сергей и пахал, и к концу дня вместе с усталостью удивленно почувствовал удовлетворение, как от хорошо сделанной работы. Хотя что тут удивительного, бандитский хлеб – он только со стороны легкий. Возвращаясь домой, он вновь заметил у себя «на хвосте» машину. На этот раз это была серая «восьмерка».

«Что за черт... Мерещится мне, что ли?!» Еще три светофора – «восьмерка» не отставала. Нарушая правила, Челищев сначала рванул вперед со скоростью под сто километров, а потом резко, с визгом покрышек развернул машину.

«Восьмерка» по инерции проскочила мимо, человек, сидевший за рулем, пригнулся, но Челищев успел разглядеть колючие, восточного разреза глаза.

«Вот блядство! Палыч, что ли, все успокоиться никак не может?»

Свернув в темный переулок, Сергей остановился и, еле попадая от злости пальцами в кнопки радиотелефона, набрал номер Антибиотика.

– Алло, Виктор Палыч? Это Сергей. Опять ваши шуточки? Теперь эскорт мне решили прицепить?

Антибиотик помолчал, потом спросил осторожно:

– А ты ничего не путаешь, Сережа? Может, показалось, с устатку-то?

– Да какое показалось...

– Ты остынь, остынь, Сереженька, – Виктор Палыч засопел в трубку, размышляя. – Я к тебе никого не приставлял... Ты вот что, будь повнимательнее сейчас, без ребят домой не езд. Дело-то делаем серьезное, любопытствующих может быть много. Люди злы и завистливы. Хотя, может быть, это и сибиряки страхуются. Я выясню. Завтра вечером нам скажут место приема груза. Заедешь ко мне, все обсудим.

Антибиотик повесил трубку, а Сергей еще долго сидел в машине. Чувство тревоги не отступало.

Подъехав к дому и поставив машину на сигнализацию, Челищев огляделся. Никого. Двор словно вымер. Откуда же тогда это звериное ощущение взгляда на спине? Войдя в темный подъезд, Сергей прислушался. Тихо. Лишь приглушенное бормотанье телевизоров за дверьми. Прижимаясь спиной к стене, Челищев поднялся до своей площадки, на ощупь открыл дверь и облегченно вздохнул, лишь закрыв ее за собой.

«Нервы. Это просто нервы. Надо бы ствол взять, поносить, говорят – успокаивает...»

Ночью ему приснилась Катя. Он пытался ее обнять, но она уворачивалась, ускользала...

Утром, несмотря на разбитость и плохое настроение, Сергей заставил себя сделать зарядку. Мышцы приятно заняли, и завтрак после душа доставил почти физическую радость. Позвонил Доктор, сказал, что подъедет с ребятами через десять минут. Выйдя на лестницу и запирая дверь, Сергей вновь ощутил тревогу. Повинуясь наитию, он поднялся вверх на один лестничный пролет. Из окна, выходящего во двор, хорошо просматривались все подходы к подъезду. А на полу у трубы мусоропровода лежали четыре свежих окурка сигарет «Мальборо». Кто-то стоял здесь, чего-то ждал и курил не далее чем накануне вечером... Сергей присел на корточки и ковырнул пальцем окурки.

«Блядь, вот блядь-то! – Челищев попытался успокоиться и собраться с мыслями. – Во-первых, кто-нибудь мог тут ждать девушку... Нет, не годится, у нас в подъезде либо совсем сопливые девчонки, либо сорокалетние тетки живут... Алкаши могли выпивать? Могли, но алкаши не курят „Мальборо“ и бросают обычно остатки закуски – сырки плавленые недоеденные, бумажки... Так... Менты? Не похоже, слишком непрофессионально и грубо... Кто?»

С окончательно испортившимся настроением Сергей вышел во двор. Из подъехавшей вплотную к его «вольво» «бээмвухи» улыбался Доктор.

– Босс! – заорал он на весь двор. – У нас проблемы! – и загоготал, пугая озябших голубей.

Челищев сморщился и без улыбки спросил:

– Какие проблемы?

Толик все никак успокоиться не мог, хохотал, хлопая себя по ляжкам. Наконец, вытерев кулаком глаза, начал рассказывать:

– Ночной магазин «Пять минут» на Шаумяна помнишь? Ну они нам платят нормально, и мы их не душим. Там девки нормальные работают, я лично проверял... Мы там охранника на ночь поставили, и никогда никаких проблем, кроме пьяниц... А тут вчера объявился какой-то крутой рэкет – наехали, охраннику башку проббили, сказали девушкам, что «крышу» их на хую вертели, это нас то есть, вот, приговорили к пол-лимону утром, а то сожгут. Совсем как мы в молодости. – Доктор снова начал ржать, всполошив двух зашедших было во двор старушек – они шмыгнули обратно на улицу, как молоденькие. – Короче, ехать надо, а то там у администрации со страху месячные раньше времени начнутся. Или кончатся!

Сергей вздохнул и кивнул головой. Прежде чем открыть дверь своей машины, он вдруг под обалдевшим взглядом Толика оперся руками на асфальт и заглянул под днище «вольво». Покрутив головой и не найдя ничего подозрительного, Сергей встал и отряхнул руки.

– Ты че, Адвокат?! – Толик открыл рот от удивления.

Челищев неопределенно покрутил рукой.

– Да так, показалось... Стучало вчера вроде что-то под днищем... Снег, наверное, намерз... Ладно, поехали!

«Пять минут» был магазинчиком средней руки, дававшим, впрочем, неплохие деньги за счет недавно полученного разрешения на круглосуточную торговлю. Продукты радовали разнообразием и огорчали ценами. Хозяйка – симпатичная торгашка лет тридцати – бросилась к Сергею с Доктором, как к последней надежде, нервно переплетая пухлые пальцы рук.

– Ой, мальчики! Приехали! Ну слава Богу! Я уж думала...

Доктор важно перебил ее:

– А ты не думай, Татьяна, тем более плохое. Мы когда-нибудь свои обязательства нарушали? Вот, наше слово верное... Да не трясись ты так, вставай за прилавок, готовься гостей встречать. А мы с Сергеем Санычем пока к товарам приценимся... Ты знаешь, кто это?

– Да откуда ж я знаю, я их вчера первый раз увидела... – запричитала было Татьяна, но Толик досадливо перебил ее:

– Да не о них речь, я про Сергея Саныча спрашивал..... Это – Адвокат, слыхала? Поняла, какие люди в твою лавку зашли?

Татьяна, судя по всему, ничего не поняла, но на всякий случай закивала головой и льстиво улыбнулась Челищеву. Сергей хмыкнул и скомандовал:

– Так, все, кончаем базар. Толик, скажи ребятам, чтобы машины подальше отогнали, а то спугнем.

«Крутой рэкет» подъехал минут через пятнадцать на старой «двойке» с поеденным ржавчиной кузовом. Двое молодых парнишек, лет по восемнадцать, остались на входе, двое, чуть постарше, пнув ногами двери, зашли в магазин. Челищев и Доктор в разных углах сделали вид, что выбирают продукты на витринах. Вошедшие решили сразу взять быка за рога:

– Ну ты, коза толстожопая, бабульки приготовила? Бабки, говорю, готовы? – хриплым голосом рыкнул на широко открывшую от страха глаза Татьяну высокий коротко стриженный блондин. Девочки-продавщицы попрятались за прилавки.

– Молодой человек, – подошел к блондину Сергей. – Вы зачем женщине хамите?

Блондин резко повернулся и, тыча средним пальцем правой руки Сергею в грудь, быстро заговорил, дыша плохим табаком:

– Слышь, ты, уебок! Сейчас ты закроешь вафельник, тихо съебешь отсюда и поставишь в церкви свечку, что все так кончилось! Ты понял?

– Понял, – вздохнул Челищев, взял блондина за палец, которым тот тыкал, вывернул ему руку и швырнул подсечкой через весь магазин навстречу Доктору. Доктор был уже наготове – держа в руках предусмотрительно прихваченную из «бээмвухи» ножку от дубового стола, он встретил «крутого» страшным ударом поперек живота и тут же «доработал» сверху по загривку. Блондин молча упал лицом в пол. Его приятель, побледнев, попытался вытащить из-за пояса обрез

охотничьего ружья. Сергей не дал ему этого сделать: схватив правой рукой «стрелка» за лицо, а левой за отворот куртки, он изо всех сил треснул стриженую голову о стену...

За дверьми люди Доктора месили дубинками двоих, поставленных на шухер.

– Ну вот и все, а ты боялась, – сказал побледневшей Татьяне Доктор. – Мы вас грабить никому не дадим. Сами будем.

И Толик, довольный собой, загоготал.

– Ой, мальчики, – сказала Татьяна. – Ой, мальчики... – И заревела. А потом вышла из-за прилавка и обняла Доктора. Толик такого поворота дела явно не ожидал, поэтому страшно смутился.

– Слышь, ты это, Тань, кончай это, ну че ты, Татьяна?..

Но директорша не слушала его, продолжала обнимать и реветь:

– Ой, мальчики, ой... Я же... в ОРБ звонила... Они сказали, иди в район. К участковому ходила на... на всякий случай... а он... говорит: «Сами разбирайтесь...», а мы... Вите-то... голову проломили, я думала, что вы...

И зарыдала еще громче на груди Доктора.

– Ну ты даешь, Татьяна... Чтоб больше такого не было... Я ж говорил тебе: в мусорню не ходи, забудь туда дорогу... Ну ладно, ладно, не реви, мягонькая ты моя...

Толик усмехнулся и погладил Татьяну по пышной груди.

Челищев между тем рассматривал обрез вертикальной двустволки. Переломив стволы, он вынул патроны – обрез был заряжен жаканами. «Вот так, – подумал Сергей. – Смех смехом, а мог бы и пальнуть, если бы чуть-чуть порасторопнее был...»

Он снова зарядил обрез и сунул за пояс.

«Трофей. Повожу пока с собой – если что, скажу милиции, что отнял у хулиганов».

Между тем с улицы в магазин затащили еще два бесчувственных тела.

– Куда их, Адвокат? На конюшню?

Сергей задумчиво кивнул:

– Да, тут тяжелый случай. Без трудотерапии не обойтись. Отправляй туда. Грузите через заднюю дверь. «Рафик» только вызвоните...

Конюшней в команде Адвоката называли ферму, где разводили лошадей. Это хозяйство, располагавшееся в сотне километров от Питера, год назад приобрел Олег. Прибыли оно никакой не давало, и никто тогда Званцева не понял, а он злился и рычал на братков: «Дурачье, разведем породистых лошадей, сами кататься будем, на Запад продавать... На Западе породистая лошадь знаете сколько стоит?» На самом деле Олег, случайно попав на эту ферму, наверное, просто пожалел больных голодных лошадей...

Но, как ни странно, оказалось, что конюшня – объект весьма нужный, даже необходимый. Ее стали использовать как своеобразную тюрьму для должников, пленников из других группировок, заложников из семей несговорчивых коммерсантов. Пленников, чтоб не даром ели хлеб, заставляли работать: ухаживать за лошадьми, чистить стойла... Однажды был даже такой забавный случай: один бизнесмен, побыв заложником на конюшне, попросил потом (за деньги!) забрать туда своего сына-пьяницу, чтобы несколько месяцев подневольного труда протрезвили и перевоспитали его...

– Толик, ребята сами управятся, поехали со мной! – скомандовал Сергей, но Доктор, которого не отпускала Татьяна, сделал Челищеву «значительные» глаза, скосив их на аппетитную директоршу, как бы говоря: «Мне бы тут остаться... Ненадолго... Женщину до конца успокоить. В ее кабинете. Раз уж так карта легла...»

Сергей на молчаливую просьбу в глазах Доктора рассмеялся, махнув рукой:

– Ладно, оставайся... Проследи за всем... В шесть встречаемся «У Степаныча», не опаздывай...

Он вышел из магазина и пошел к своей машине. Так получилось, что к ресторанчику Степаныча Сергей подъехал минут за сорок до назначенного времени. Припарковав автомобиль на другой стороне проспекта, Челищев откинулся в кресле и закурил. Весь день ему вспоминались озверелые глаза мальчишки, пытавшегося застрелить его из обрезка. Обрез теперь лежал под водительским сиденьем «вольво», а мальчишка, вероятно, уже на конюшне...

«Вооруженный налет на магазин. Еще лет семь назад это было бы ЧП на весь город... А теперь участковый даже слушать об этом не хочет... Сколько злобы в людях накопилось... Может, мы всем народом просто сходим с ума?..»

Занимаясь любимым делом русских разночинцев – размышляя о судьбах народа, Челищев машинально поглядывал на дверь кабачка. Она внезапно отворилась и выпустила на улицу человека в костюме-тройке с дорогой тростью в руках. Человек быстрым шагом подошел к ожидавшей его в десятке метров от входа черной «Волге», сел в нее, и машина медленно тронулась. Когда человек проходил мимо фонаря, желтый свет упал на его лицо, заискрился от дорогой оправы модных очков, и Сергей узнал его. Это был депутат Глазанов.

Челищев сидел в машине с дымящейся сигаретой во рту, забыв, что нужно затягиваться.

«Вот это да... Вот это круто... Нет, ладно он еще к Гаспаряну бегают – Ашот хоть и жулик, но как бы неофициально... А официально он солидный, уважаемый коммерсант, не жалея сил строящий новую Россию... Но Антибиотик-то... На нем клейма негде ставить, какого же черта Глазанов к нему бегают? Видно, с головой у парня проблемы... или крайняя степень необходимости заставила... Если он, конечно, не заехал к Степанычу случайно – просто поужинать на свою скромную депутатскую зарплату». Сергей хмыкнул. Последняя мысль развеселила бы его, если бы не трудно объяснимая нервозность, ощущение тревоги, охватывавшее Сергея всякий раз, когда он видел Глазанова или думал о нем. Челищев чувствовал, что получил какую-то очень важную информацию, но пока не знает, как ее расшифровать и оценить...

«Ерунда какая-то... Ну предположим, Глазанов был у Палыча... Ну и что? Позавчера он был у Гаспаряна, сегодня у Антибиотика... Ну сука он дешевая, и что? Виктор Палыч... Интересно, давно ли они знакомы?»

Интуитивно Сергей почувствовал, что ответ на мучивший его несформулированный вопрос находится где-то рядом, но, даже вспотев от напряжения, Челищев к разгадке не пришел: что-то, связанное с Глазановым, снова ушло в подсознание, как заноза, которая то высунется, то снова уйдет глубоко под кожу...

За размышлениями и попытками разобраться в своих нервных рефлексах Сергей не заметил, как стрелки часов приблизились к шести. Из состояния полудремы его вывел длинный гудок подъехавшего «BMW». Увидев вышедшего из машины Доктора, Челищев не смог удержаться от смеха: на шее Толика красовались два смачных засоса, красноречиво свидетельствовавшие о том, что Доктор в полной мере наслаждался ролью спасителя и избавителя.

– Ну что, утешил Танечку? На столе? Или у нее в кабинете кушеточка нашлась?

Толик шутку не поддержал. Он казался несколько растерянным, словно столкнулся с неожиданной, мало изученной проблемой.

– Там по-разному получилось... Она баба-то неплохая, и жизнь у нее не сахар совсем, она мне порассказывала. Торгашка – она ведь тоже человек, – Доктор вдруг спохватился, что говорит что-то не то, и быстро добавил: – Нет, если барыга – мужик, то он, конечно, не человек, но бабы-то... Это ведь другое дело, а, Адвокат?

– Конечно, другое, – поддержал Челищев, с удивлением глядя на смущенного здоровенного бандита. Ну женщины! Чтобы пробудить что-то человеческое в этой поросшей мхом грубости и жестокости душе, оказалось, нужно всего-то ничего – поплакать на груди, дать понять парню, что он – самый сильный и добрый...

– Ты смотри, не обижай Татьяну-то, теперь права не имеешь, – серьезно сказал Сергей и, увидев вопрос в глазах Доктора, пояснил: – В Китае тот, кто спас человека, становится как бы его должником и ответственным за всю его дальнейшую жизнь.

Толик помотал головой:

- Погоди, я чего-то не понял, кто кому должен: тот, кто спас, или кого спасли?

Челищев улыбнулся:

- Тот, кто спас, должен отвечать за того, кого спас. Потому что как бы дал ему новую жизнь. Ну, в общем, это сложная философия – конфуцианство и все такое. Но китайцы – люди умные, у них на философии все боевые искусства основываются. Так что смотри...

Доктор, обрадованный неожиданной поддержкой и тем, что Челищев не стал его грубо вышучивать, замычал:

- Да не, я это... Мы там нормально побазарили, по жизни...

- Ладно, хватит лирики, пошли, нас Палыч уже заждался. Он не любит, когда опаздывают.

Антибиотик действительно ждал их, был собран, сух и деловит. Ужина не предложил и вообще был краток:

- Состав приходит завтра в одиннадцать ноль-ноль, и с товарной его перегонят на Калининскую овощебазу. Мы с директором договорились, но к ночи перегрузку из вагонов в «КамАЗы» надо закончить. Ваша забота – чтобы погрузка в фуры прошла нормально, а также проводить «КамАЗы» до автопарка.

- А дальше? – Сергей почувствовал, что нервозность Виктора Палыча передается ему.

- А дальше – не наши проблемы, слава Богу. Из автопарка фуры пойдут в Ивангород под охраной ГАИ. И в каждой машине по омовцу будет сидеть...

Антибиотик лихорадочно потер ладошки.

– Так, давайте, времени не теряя, езжайте на Калининскую базу, посмотрите там все – где людей расставить, ходы, выходы. С грузчиками вопросы решите – чтоб трезвые были и не доходяги. А сами уже с утра все контролировать должны. Толик, пошли к Вальтеру пораньше человека за оружием. С ранья ментов на перекрестках меньше, пусть он стволы в багажниках прямо к базе везет, там и раздадите...

Виктор Палыч помолчал, пожевал губами.

– И вот еще что: я сибиряков спрашивал насчет машин, которые за тобой, Сережа, ездят, – они говорят, что в этом раскладе не при делах. И я в это верю, потому что запсиховали они, что им предъява пойдет, а кому это надо, когда все уже на мази... Тьфу-тьфу-тьфу, – Антибиотик суеверно сплюнул через левое плечо и перекрестился. – Так что повнимательнее. Без пацанов домой не ездить! И чтобы они в подъезд первыми входили! Толик! За Сергея Александровича головой отвечаешь, понял?

Доктор кивнул.

– Ну все, ребятки, за дело.

Сергей встал, дождался, пока Толик выйдет, и, помявшись, сказал:

– Виктор Палыч, если позволите, два вопроса...

– Слушаю тебя, – Антибиотик тоже встал, показывая, что времени на долгие разговоры нет.

– Как там Олег? Есть какие-нибудь новости?

Виктор Палыч кивнул.

– Это хорошо, что друга не забываешь... Вопросы решаются, не волнуйся... С грузом разберемся – их еще легче решить можно будет. Дело сделаем – можно будет малявку[4 - Малява – письмо (жарг.)] ему передать, а там, глядишь, и встретитесь вскорости. Не переживай. Что еще?

Сергей помялся и спросил, прямо глядя в глаза Антибиотику:

– Катя... Гм. Катерина Дмитриевна с Танцором – зачем они в Сибирь поехали, что им там делать?

Антибиотик недовольно поджал губы, но все же ответил:

– Ну, во-первых, они контролировали отправку груза, наблюдали, так сказать... Ну а во-вторых – у сибиряков ведь тоже должны быть гарантии, что с их людьми здесь, в Питере, будет все в порядке. Это, так сказать, формальности, которые надо соблюдать... Уедут отсюда сибиряки – и Катерина Дмитриевна с Танцором вернутся...

Сергей хотел было спросить еще что-то, но Виктор Палыч перебил его:

– Давай, Сережа, поезжай на базу. Все вопросы потом, как дело сделаем...

«Нормальные дела, – думал Челищев, подъезжая к базе. – Значит, Катерина с Танцором там в заложниках... Интересно, они сами это понимают или нет? Наверное, понимают, на наивных детишек они не похожи...» Воспоминание о Катерине вызвало теплую волну нежности и желаний, мгновенно сменившуюся, впрочем, жестким холодком... Испытав почти физическую боль, Сергей скрипнул зубами и сунул в рот сигарету...

У огромного комплекса овощебазы Челищева с Доктором встретил толстый суетливый человек, постоянно потиравший потные ладошки. Угодливо заглядывая в глаза, человечек проводил всю братву к разгрузочной платформе. Платформа оказалась не очень длинной, одновременно можно было разгружать не более трех вагонов. Около часа Челищев с Доктором бродили по базе, изучая подъездные пути. Наконец Сергей, постоянно помечавший что-то в записной книжке, занялся подсчетом.

– Короче, чтобы все нормально перекрыть, – нужно человек двадцать... И еще человек десять на сопровождение первых «КамАЗов». Осилим?

Толик кивнул:

- Без проблем. Я так примерно и прикидывал.

- Ну и ладно. Тогда пошли с грузчиками разбираться...

Грузчиков собрали в яблочном хранилище, видимо, с «ефрейторским зазором», и они уже успели одуреть от сожранных яблок и долгого бестолкового ожидания. Увидев Челищева с Доктором, они оживленно загомонили:

- Эй, господа хорошие! Работа будет или нет? Чего сидим-то?

Доктор выступил вперед, успокаивающе подняв руку:

- Ша, мужики, кончай базарить! Слушайте сюда. Значит, работать будем завтра, работы будет много, за нее и «отмаксаем»[5 - Отмаксать - заплатить (жарг.).] хорошо... Сколько вас собралось?

Мужики переглянулись.

- Четырнадцать... А что грузить-то будем?

- Люминий! - отрубил Толик и улыбнулся. - А для особо любопытных будет чугуний... Работаете до упора - разгружаете вагоны и перекидываете груз на «КамАЗы»... Платим на рыло полтинник баксов. Завтра быть на месте, кровь из носу, в час дня! При себе иметь паспорт, фамилии я сейчас перепишу. И чтобы все трезвые были! Запах услышу - пеняйте на себя! Закончите - ящик водки на бригаду ставим. Все, сейчас записывайтесь и получайте по десятке аванса... Вопросы есть?

Грузчики нерешительно переминались.

- Вагонов-то сколько будет, начальник?

- Семь вагонов.

- Ого!.. - Мужики взволнованно загудели. - Пупы не надорвем?

Толик помахал рукой:

– Ниче, я вижу, мужики вы крепкие, электрокары нам дадут... Ну а если что – мы поможем!

– Ага, поможете, кулаком в зубы, – угрюмо проворчал кто-то в толпе грузчиков, и все засмеялись возбужденно. Пятьдесят баксов для этих людей были большими деньгами. Они не были грузчиками, официально оформленными на базе: в эту бригаду сбивались те, кто работал ночами, чтобы прокормить семью. Грузчики постепенно выстраивались в очередь к Доктору, который записывал фамилию каждого в блокнот.

– Сергей? Ты... Вас Сергей Челищев зовут?

На Сергея смотрел жилистый ясноглазый парень, уже записавшийся у Доктора. На вид ему было лет двадцать семь-двадцать восемь, но, возможно, его просто старила густая каштанового цвета борода.

Челищев удивленно порылся в памяти:

– Да, я Челищев... Мы что, встречались где-то?

Парень сверкнул зубами из бороды:

– Ну да... Я же – Сашок... Гумиста, не помните? Все тогда думали, что это я воровал часы и документы, а вы меня спасли... Помните?

– Сашок?! – ахнул Сергей. – Быть не может! Тебя и не узнать.....

Узнать Сашу Выдрина было и впрямь мудрено. Последний раз Сергей видел его одиннадцать лет назад, Сашку тогда едва исполнилось пятнадцать...

Это было летом 1982 года. Сборная университета была на сборах в спортлагере, в Гумисте, под Сухуми – там когда-то был замечательный олимпийский центр... Море, солнце, фрукты – и всё на халяву. Ради этого можно было терпеть изнурительные каждодневные трехразовые тренировки.

Вместе с основным составом в Гумисту приехали несколько «малышей» – мальчишек из юношеской сборной «Буревестника». «Взрослые» на «малышню» внимания не обращали, не знали даже толком, как кого зовут, пока не случилось несколько краж – сразу у трех парней из основного состава пропали документы, часы, деньги... Самое неприятное – вместе с паспортами пропали и комсомольские билеты, а это грозило по тем временам большими неприятностями... Крал явно кто-то из своих, кто хорошо ориентировался в расположении кроватей и тумбочек и знал, когда все уходит на тренировки... После небольшого общего собрания решили, не расходясь, обыскать рюкзаки и чемоданы всех сразу. Обыск взрослой сборной ничего не дал. Парни были в отвратительном состоянии: подозрительность, как ржавчина, начала точить каждого... Кто-то предложил перетряхнуть вещи «малышей», и в матрасе на койке Саши Выдрина были найдены пропавшие часы «Электроника».

На Сашка было страшно смотреть. Он озирался, как затравленный волчонок, но натыкался лишь на презрительно-жесткие взгляды.

Парнишка упал на колени и, давясь слезами, закричал:

– Богом клянусь, не брал я, честное комсомольское!

Сашку не поверили и дали два дня, чтобы он вернул все, что, как считали, успел «толкнуть» абхазам. Местные жители уже тогда охотно покупали чужие документы – на всякий случай...

Сергей почему-то сразу решил, что Выдрин ни при чем, – мальчонку явно подставили, сбивая след. Челищев долго пытался вспомнить, кто раньше других уходил с тренировок, и память его не подвела: дважды, жалуюсь на растяжение стопы, уходил в медпункт Паша Орлов – он учился на испанском отделении филфака... Сергей вместе с одним парнем с восточного факультета, Андрюхой Обнорским, незаметно стали следить за Орловым и накрыли-таки его как раз в тот момент, когда он собирался забрать украденные деньги, часы и документы из тайника под валуном на берегу Гумисты...

Орлова били долго и жестоко – его привязали за руки к столбу и пинали ногами, как грушу. Когда он терял сознание, его обливали водой и били снова... Сор из избы решили не выносить, и в милицию никто заявлять не стал. У Орлова просто отобрали все деньги, порвали на мелкие клочки его документы и выгнали из

лагеря, посоветовав добираться до Ленинграда пешком.

– Чтоб ты сдох, подлюга, – напутствовал избитого Орлова тренер. – Смотри, в милицию пожалуешься – вообще закопаем!.. Гадина ты, мразь, у своих красть – это... это... Короче, сука ты!

Дальнейшая судьба Паши Орлова была туманной: рассказывали, что на четвертом курсе его посадили за фарцовку, а в зоне он стал любимым петухом какого-то авторитета.

Перед Сашком же извинялась вся сборная, а мальчишка был настолько благодарен Челищеву и Обнорскому, что готов был целовать им руки... Сашок с тех пор ходил хвостиком за Сергеем и Андрюхой, даже пытался однажды выстирать их кимоно, за что получил от Обнорского по шее – слегка, чтоб запомнил. Андрей тогда долго ерошил выгоревшие волосы Сашка и приговаривал:

– Ты, Сашок, запомни главное: никогда ни перед кем не унижайся, даже перед теми, кому ты чем-то обязан...

А потом сборы закончились, и Челищев больше Сашка не видел – «малыши» тренировались в спортивном зале ЛИСИ. К тому же после четвертого курса Сергей перестал ходить на тренировки вообще...

– Конечно, узнаешь теперь тебя, бородатого, как же, – Сергей изумленно качал головой. – Тогда-то у тебя даже пушка еще не намечалось... Слушай, Сашок, а ты каким макарон здесь оказался?

Выдрин невесело хмыкнул:

– Да обычным... Я ведь потом тоже в универ поступил, хотел на востфак, как Обнорский, но не прошел по конкурсу, а спортнабора туда не было, ну я и двинул на истфак, на кафедру археологии. Попал, как ни странно. Учиться было интересно, тем более я к третьему курсу мастера получил, в Берлин даже ездил выступать... Ну а потом – травма мениска, и по схеме – за борт... Распределение в школу учителем истории. А там – дурдом настоящий, не дети, а уроды какие-то... Тут как раз приятель предложил кооператив открыть. Я, дурак, согласился – открыли мы кафе... Короче, через год он слинял со всеми деньгами, а меня в

БХСС – шесть месяцев «Крестов» и «уголовное дело прекратить за отсутствием доказательств» того, чего я не совершал... Ну и все – на работу не устроиться, а жрать что-то надо, у меня мать старенькая совсем, со смешной пенсией... Вот и хожу сюда, двух зайцев убиваю – форму спортивную поддерживаю и заработок какой-никакой... Ну и работу ищу. Только пока все, что ни подворачивается, – сплошь полная спекуляция, а она мне уже вот где, – Сашок рубанул себя ребром ладони по горлу. – Может, вы чего-нибудь предложите?

Челищев махнул рукой:

– Хватит «выкаты», Сашок, не такая уж у нас разница в возрасте. А насчет работы... Понимаешь... То, чем я сейчас занимаюсь, – это, как бы полегче сказать-то...

Сашок понимающе кивнул головой:

– Да я вижу, не слепой... Но... Серега, возьми меня к себе, я не подведу... А так жить тоже уже не вмоготу, нищета задушила, матери в глаза смотреть стыдно...

– Ты не понимаешь, – пытался было вразумить Сашка Сергей, но тот перебил:

– Да все я понимаю... Я давно уже хочу к бандитам податься, только случай все никак не подворачивался... Если ты меня не возьмешь – к другим уйду.

Сергей задумался.

– Ладно, посмотрим... После разгрузки поговорим... Хотя стой, одно дело я тебе могу уже сейчас поручить: мне нужно снять хату на пару месяцев. Приличную, желательно поближе к центру.... Вот тебе пятьсот баксов: сторгуешься за четыреста – остаток твой... Только об этом не должна знать ни одна живая душа. Понял?

– Понял, – улыбнулся Сашок, незаметно пряча деньги. – Будет исполнено, босс, и даже быстрее, чем ты думаешь. У меня как раз есть одна квартирка на примете...

Решение снять «конспиративную хату» Челищев принял спонтанно, неожиданно для самого себя. Видно, вспомнились утренние окурки в подъезде, у мусоропровода...

Между тем Доктор закончил «перепись населения», напомнил всем зычным голосом время сбора и повернулся к Челищеву:

– Ну что, Адвокат, кажись, все? Давай мы тебя побыстрее в квартирку доставим, а то мне тоже надо в одно место заехать... – Толик переминался с ноги на ногу, и Сергей улыбнулся, догадавшись, что это за место.

– Татьянку утешать опять поедешь? Смотри, до смерти не зажалей...

Доктор покраснел и насупился, но Сергей дружески взял его за плечо.

– Ладно, без обид, я так пошутил неудачно... Ты езжай спокойно, только завтра не проспи, а меня сегодня провожать не надо: я дома ночевать не буду...

Доктор заколебался:

– Но Палыч сказал...

– Я же тебе объясняю – я домой сегодня не поеду. Палыч сказал – меня до квартиры провожать, так?

– Так, – кивнул Толик.

– А как вы меня туда сможете проводить, если я туда не еду?

Доктор поскреб затылок:

– Да, действительно... А где ты ночевать собрался? Чтоб знать, на всякий случай...

Челищев спрятал усмешку в уголках губ.

– Да так, у женщины одной...

– А-а... Ну ясно. – Толик понимающе кивнул, еще помялся для приличия и протянул руку, прощаясь: – Значит, встречаемся уже здесь? Ну, приятного вечера, босс.

– Тебе того же.

Сергей не обманул Доктора, сказав, что собирается к женщине, но если бы Толик узнал, сколько этой женщине лет и как она выглядит, то удивился бы несказанно...

Спрятав за пазуху купленную в «ночнике» бутылку дорогого французского коньяка, Челищев поднялся по темной лестнице старого дома на канале Грибоедова и долго звонил в обитую рваным дерматином дверь. Судя по всему, в этой квартире не боялись воров и налетчиков, которым поживиться было бы просто нечем: дверь открылась без звяканья цепочки и испуганного вопроса: «Кто там?» Челищев шагнул в темную прихожую.

– Здравствуй, баб Дусь, прости, что без звонка. Я не очень поздно?

Бывшая «важнячка» Евдокия Андреевна Кузнецова – ныне уборщица в горпрокуратуре баба Дуся – от неожиданности охнула, а потом обняла ночного гостя.

– Сереженька... Ты же знаешь, я тебе всегда рада... Забыл ты совсем старуху, пропал куда-то, не заходишь... Ты снимай куртку-то, а бутылку не прячь, я сейчас мигом чего-нибудь на стол соберу. Ты, поди, голодный?

Сергей неопределенно пожал плечами. От бабы Дуси слегка попахивало алкоголем: она, видимо, уже тяпнула на сон грядущий.

– Проходи, проходи, Сереженька... Уж не взыщи, деликатесов нет, – старуха торопливо покрывала обшарпанный стол штопаной, но чистой скатертью. Аскетичная бедность маленькой двухкомнатной квартирki заставила Челищева сжать зубы, чтобы не выругаться.

Баба Дуся ушла на кухню, а Сергей опустился на продавленный диванчик.
«Подлая жизнь, Господи, какая подлая жизнь...»

...Когда бутылка «Наполеона» была ополовинена (Сергей почти не пил, лишь пригубливал свою рюмку), Евдокия Андреевна заметно оживилась, покраснелась и даже чуть помолодела.

– Как ты живешь-то, Сергуня? У нас про тебя всякое болтают: мол, ты теперь чуть ли не крупным бандюганом стал...

Челищев махнул рукой – мол, пусть болтают, что хотят, что с них взять. Баба Дуся кивнула головой:

– Я тебя, Сережа, всегда любила, потому что в тебе совесть живет. Это, в конечном счете, главное. Везде можно остаться человеком, и везде негодяев полно... Только нормальные люди куда-то исчезают, а негодяев все больше и больше – плодятся, как тараканы...

– Кстати, о негодях. – Сергей закурил и откинулся на диванчике. – Ты, баб Дусь, Хоттабыча такого не помнишь? Должна помнить, про него у нас в прокуратуре легенды рассказывали.

– Легенды, говоришь? – Евдокия Андреевна усмехнулась и налила себе рюмку. – За твое здоровье, Сергуня!

Выпив, она смачно закусила коркой черного хлеба и снова невесело усмехнулась:

– Легенды... Вот почему так жизнь устроена – про них, понимаешь, легенды слагают, а про нас и не вспомнит никто... Как же мне не знать этого сраного Хоттабыча, если я его и сажала? Полгода под него копала, одних ревизий было столько, что... – Баба Дуся махнула рукой и достала сигарету из пачки, которую Сергей предупредительно ей протянул. – Легенды... Хотя Семен и впрямь был человеком необычным, у него не голова была, а настоящий компьютер, он достать мог что угодно и когда угодно... А Хоттабычем я его окрестила за то, что деньги из воздуха делать умел. Так, видно, кликуха эта к нему и пристала... Помнишь, я тебе про «Луковое дело» рассказывала? С него вся раскрутка и пошла, там такая подобралась компания – просто туши свет! Вот они его и

потушили... Семен на «вышку» тянул, но никого не сдавал, а однажды проговорился: «Если я начну показания давать, то до суда не доживу, и вы, гражданка следователь, тоже...» Не поверила я ему, вот и поплатилась... Потом уже, после автокатастрофы, локти себе кусала... От Семена нити в обком шли или даже выше еще... А до суда из солидных людей он и впрямь один дожил, остальные так, мелочь пузатая...

Евдокия Андреевна докурила сигарету до фильтра и тут же потянулась за новой.

- А у тебя, Сергуня, видать, с Семеном пути пересеклись? Смотри, он человек страшный...

Сергей заерзал на диване.

- С чего ты, баб Дусь, решила, что пересеклись?

Старуха усмехнулась:

- Ну я хоть бабка и пьющая, но из ума пока еще не вышла - вчера Семен в прокуратуру заявился, а сегодня ты приходишь и разговор о нем невзначай заводишь...

- Постой, постой, баб Дусь, в какую прокуратуру...

- Да в нашу, в какую еще... А что ты так удивляешься? Сейчас многие растратчики да фарцовщики солидными бизнесменами стали, а Семен-то рангом повыше был... Так что с полным правом нанес, можно сказать, официальный визит нашему руководству... Я как его увидела - чуть ведро не выронила. Раздобрел он, постарел, но узнать можно. Это меня вот уже никто не узнает. И он не узнал. Важный такой стал, солидный. Хотя он и раньше себя подать умел... Наверное, явился серьезные вопросы о «безвозмездной» помощи правоохранительным органам решать. И депутат этот, Троцкий, при нем суетится, шмыгает, как церковный староста проворовавшийся... У Прохоренко в кабинете заперлись, потом к ним еще из ГУВД генерал Хомяков подъехал...

- погоди, баб Дусь, какой депутат Троцкий? - затряс непонимающе головой Челищев.

– Ну этот, как его... Глазанов. Вылитый Троцкий – бородку свою козлиную все время щиплет и пенсне протирает...

– Глазанов?!

Видимо, Евдокия Андреевна услышала в возгласе Челищева не удивление, а недоверие, потому что, обиженно поджав губы, встала, отошла в угол комнаты и начала, что-то бормоча, рыться в грудe сложенных прямо на полу книг и каких-то папок.

Челищев между тем, судорожно затягиваясь сигаретой, сращивал в мозгу концы с концами: «Ну конечно... Гаспарян говорил про „доверенное лицо“... Это и есть господин депутат... Интересно, почему они его так подставляют... Хотя постой, почему подставляют? Он же депутат, пользуется неприкосновенностью, его в разработку ни менты, ни Комитет взять не могут, ни наружку[6 - Наружка – наружное наблюдение, слежка (жарг.)] поставить, ни единицу...[7 - Единица – прослушивание (жарг.)] Идеальный курьер, и риску никакого... Ай да Антибиотик... Или Глазанов – человек Гаспаряна? Нет, скорее все-таки Виктор Палыч – хозяин... Круто люди работают, круто... Значит, они – „безвозмездную“ помощь, а им – гаишные эскорты до границы с Эстонией? И все законно, чинно, благородно... Все для блага России... и отдельных ее граждан...»

Между тем баба Дуся вернулась к столу, держа в руках пухлую бухгалтерскую книгу в черной клеенчатой обложке.

– Вот, смотри, Сергуня. Я в эту книгу разные интересные факты заносу про наше замечательное руководство. Они-то меня за человека не считают, внимания не обращают, а я домой приду – запишу, что видела... Может, потом когда-нибудь и пригодится кому-нибудь, если хозяин в стране найдется, может, начнут порядок наводить... Грех так говорить, но иногда даже думаешь: «Сталина на вас, сволочей, нет...» Вот смотри, у нас сейчас февраль, последнюю запись я сделала сегодня.

В книге аккуратным почерком были проставлены даты, под ними шли лаконичные записи. Это была своеобразная летопись прокуратуры: кто с кем встречался, кого куда назначали, какие вывешивались приказы, по каким поводам проводились пьянки, кто кого трахал в кабинете... Рядом с фамилиями некоторых посетителей стояли звездочки, а в конце книги на этих людей

давались короткие объективки – число, место рождения, адрес, судимости (если были), род занятий...

– Ну ты даешь, баба Дуся... А адреса-то как пробивала?

– Я же тебе уже говорила, Сережа: из ума еще не выжила, помню, как что делается.

Челищев машинально запомнил адрес и телефон Глазанова. Депутат жил в «доме еврейской бедноты» на Финляндском проспекте, за гостиницей «Санкт-Петербург».

– Да, ну и кондуит, – качал головой Сергей, листая книгу. – Почитать такую простому человеку – его кондратий хватит.

Евдокия Андреевна налила себе еще рюмку.

– Ты, Сережа, наверное, думаешь – совсем рехнулась бабка, компроматик непонятно для чего собирает, шпионит... Только я ведь про нормальных людей ничего не пишу – о своих, к слову, художествах ты здесь слова не найдешь... Да и делаю я это так, для себя: на бумагу выплеснешь, и вроде душа меньше болит... Никому эта книжка не понадобится, а про хозяина в стране – это я так, от обиды сказала...

Баба Дуся говорила что-то еще, но Челищев уже не слышал ее – глаза его вдруг стало завлакивать розовым туманом, а выбрасываемый в кровь адреналин грозил разорвать сердце: в записях августа 1992 года, за два дня до даты гибели своих родителей, Сергей нашел упоминание о визите Глазанова к Никодимову – первому заместителю прокурора города Николая Степановича Прохоренко... Сергей сам не мог понять, отчего его так затрясло...

– Что с тобой, Сергуня? Ты аж побелел весь, – откуда-то издалека донесся до Челищева голос бабы Дуси.

– Сейчас, сейчас... – невпопад ответил Сергей, выпил залпом, не почувствовав вкуса, рюмку коньяку и начал вынимать сигарету из пачки, забыв, что во рту уже дымится одна... Коньяк снял пелену с глаз и успокоил взбесившееся сердце.

Челищев глубоко вдохнул и прочитал запись еще раз: «Деп. Глазанов – у Никодимова, с утра, был около 5 минут, ушел в сост. нерв. возб. Никодим. немедленно – к Прохор. (глубоко озаб.). Вызвали в кабинет Воронину, обсуждали что-то около 30 минут. Потом Воронину отпустили. Никодим. с Прохор. пили до обеда (2 бут. коньяк «Арарат»), после чего уехали из прок., якобы на совещ. в ГУВД. До вечера не возвр.».

Сергей налил себе еще рюмку и снова выпил как воду, пытаясь свести в кучу скачущие мысли: «Вот оно... Глазанова я раньше мог у нас в прокуратуре видеть... Если он „доверенное лицо“ Антибиотика, то что получается? Кто у кого на связи? Спокойно, спокойно... Накануне убийства моих Глазанов – в прокуратуре... Совпадение? Да, он у нас частенько мелькал. То-то я все думал, что рожа больно знакомая... Спокойно...»

Челищев чувствовал, что между приходом депутата в прокуратуру и убийством его родителей связь самая прямая, и, сосредоточившись, начал строить версию: «Спокойно, только спокойно... Что я не мог понять, это как можно было посылать убийцу к нам в квартиру, зная, что у директора сын – следователь, с правом ношения оружия, кстати... А убийцы пришли рано утром, когда сын, то есть я, должен был быть дома с пистолетом вместе... Значит, меня дома быть не должно было... А я и не был: я Юлю трахал... Так... Накануне пришел приказ о повышении классности... Так, спокойно, спокойно... А кстати, это не я Юльку трахнул, а скорее, она меня... Антибиотику было нужно, чтобы я не ночевал дома... Но почему так сложно? Мотивы должны быть простыми... И слишком много людей в курсе...»

Челищев был уверен, что мысли его идут в верном направлении, но мозг уже отключался, кипел от перегрузки. Сразу все ответы на все вопросы прийти не могли. К тому же – правильно сформулированный вопрос зачастую важнее ответа... И у кого выпытывать эти ответы? Антибиотик – не скажет, Прохоренко с Никодимовым – тоже калачи тертые. Депутат Глазанов и Воронина... Этих двух, в принципе, расколоть можно было бы: они люди слабые, ломаные... Только на что их колоть и как?

Сергею казалось, что еще немного – и он сойдет с ума. Уходящее чудовищное напряжение оставляло после себя испарину и слабость.

– Да что с тобой, Сергуня?! – Баба Дуся испуганно смотрела Челищеву в глаза и трясла за плечо. – Тебе нехорошо, сынок?

– Нет, все нормально, – сказал Сергей, еле ворочая языком, как после нескольких схваток на татами. – Просто прокуратуру нашу вспомнил, вот и нахлынуло. Нервы стали ни к черту. Устал я что-то, баб Дусь... Совсем устал.

Евдокия Андреевна вздохнула и стала гладить Сергея по голове. На нос ему капнула теплая слезинка.

– Ты что, баба Дуся? – востропнулся было Челищев, но она махнула рукой.

– Не обращай внимания, сынок. Я последнее время что-то совсем слабая на слезу стала... Давай-ка ложись спать, я тебе в Алешкиной комнате постелю. Завтра поедешь, да и выпил ты – чего на гаишников нарываться...

Сергей не возражал. Он с самого начала хотел попроситься к Евдокии Андреевне на ночлег. Что-то не пускало его домой. Снова вспомнились найденные утром окурки у мусоропровода. Кто бы это все-таки мог быть? Но сил ломать голову еще и над этой загадкой не было совсем, Челищев еле дождался, пока баба Дуся постелет ему в комнате сына. Он утонул в колхозе, закончив первый курс юрфака, когда сама Евдокия Андреевна лежала в больнице после автокатастрофы... Еще одна странная история...

Сергей со стоном упал на низкую кровать, и его обступили лица тех, о ком он постоянно думал последние дни. Лица все время двигались, и было уже не разобрать, кто из этих людей живой, а кто мертвый, и они молча смотрели на него, словно ждали какого-то ответа.

Встреча алюминиевого эшелона и последующая переброска груза в «КамАЗы» прошли без малейшей заминки. К тому же выяснилось, что перекидывать алюминий в машины для срочной отправки в Ивангород нужно только из трех вагонов, а остальные будут ждать своей очереди в одном солидном «почтовом ящике» под присмотром вохровцев. Самое главное было в том, что Антибиотик, а через него и Челищев со своими людьми за эти вагоны уже не отвечали.

Грузчики работали как звери и, забив последний «КамАЗ», просто падали от усталости. Двоих из них стало рвать желчью, но никто не жаловался – Доктор расплатился со всеми честно и даже накинул сверху по пятерке – на радостях, наверное... У парня, похоже, шел медовый месяц. Когда Челищев утром встретил

Доктора, то только головой покачал – к приобретенным накануне засосам, успевшим несколько потускнеть, прибавились новые – свежие и ядреные. Толик отчаянно зевал, рискуя вывихнуть себе челюсть, но был весел и жизнерадостен, как пингвин на льдине. Отлично выспавшийся Сергей был, напротив, хмур и угрюм – ему не давала покоя информация, полученная от бабы Дуси...

– Ты чего такой невеселый, босс? Не дала, что ли? – дружелюбно спросил Толик у Сергея, прохаживавшегося вдоль платформы.

– Что – не дала? – не понял Челищев.

– Ну что бабы могут не дать... Ты же вчера сказал, к женщине поедешь...

– А-а-а... Дать-то дала, но слишком много, боюсь, не унесу, – усмехнулся Сергей, в который раз вспоминая записи из бухгалтерской книги.

Толик понял его по-своему. Хохотнув, он, понизив голос, доверительно сказал:

– Для таких случаев, когда сомневаешься, нужно марганцовку с собой в кармане носить – заскочил на кухню, развел в стакане, член прополоскал – и душа не болит... А гандоны я и сам не люблю..... И врач один, когда от триппера лечил, тоже говорил: «Гандон – паутина против сифилиса и броня от удовольствия».

Доктор говорил абсолютно искренне и из самых лучших побуждений. Поэтому он лишь пожал плечами, когда Челищев согнулся от хохота.

– Странный ты сегодня какой-то, Адвокат: то ходишь злой, как черт, то ржешь, как защекоченный...

Закончив переброску груза, Сергей позвонил Антибиотику. Тот похвалил, но велел не расходиться, сидеть на базе и ждать звонка – «КамАЗы» должны дойти до границы, вот тогда уже будет все...

Ждать предстояло долго – до Ивангорода груженым фурам часа три идти, да там еще сколько на таможне возни будет – хоть и дают «зеленый свет», но пока все бумаги сверят, пока штампы поставят... Вся братва – человек двадцать мордovorотов, перекрывающих базу во время переброски алюминия, – собралась

в том самом яблочном хранилище, где накануне скучали грузчики. Толик, пристроившись на сложенных картонных коробках, быстро уснул, подложив кулак под голову, а остальные разбились на две кучки: в одной начали шлепать картами, в другой – травить байки.

К Сергею подошел черный от усталости Сашок Выдрин. Пока шла погрузка, времени поговорить с ним у Челищева не было, да и Сашку было не до разговоров. Выдрин опустился на корточки рядом с Сергеем и незаметным движением вложил ему в руку два ключа:

– Ваше задание выполнено, шеф. Двухкомнатная хатка, в самом центре – дом на углу Сенной и переулка Гривцова. Что особенно ценно – там отдельный вход, вообще своя маленькая парадная, других квартир нет... Ванная, телефон, телевизор... Мебель не очень, но чистая, постельное белье в шкафу...

Сергей от изумления даже привстал:

– Когда успел-то? Ты что, волшебником подрабатываешь?

– Да нет, – замялся Сашок. – Это приятеля моего квартира... Он в Югославию махнул на несколько месяцев – подзаработать, а ключи мне оставил... Цветы у него там от матери-покойницы остались, он просил их хотя бы раз в неделю поливать... А деньги, что ты давал, я обратно принес, – Сашок виновато улыбнулся и полез было в карман, но Сергей удержал его руку.

– Оставь себе, считай, что заработал... За честность – спасибо, а цветы я буду поливать.

Выдрин помолчал, кивнул головой и осторожно спросил:

– Как насчет вчерашнего разговора? Я про работу.

Сергей досадливо сморщился:

– Сашок, ты сам не понимаешь, о чем просишь... Это такая грязь.

Выдрин деликатно, но твердо перебил его:

– А ты, Сергей, видимо, считаешь, что так я – в белом фраке? Где сейчас не грязь? Везде одно и то же... Но хоть чем-то заниматься нужно? Куда податься? Я Андрея Обнорского просил меня к себе взять – у них ставок нет, газета еле концы с концами сводит...

Челищев удивленно посмотрел на Сашка:

– Андрей? А при чем здесь газета? Он же на Ближнем Востоке переводчиком работал...

Сашок присвистнул:

– Так ты не в курсе? Ну да, он же под псевдонимом пишет – Андрей Серегин. Читал, наверное, его бандитские эпопеи? Он в девяносто первом уволился и в журналисты подался... Сейчас криминальным отделом заведует...

– Постой, Серегин – это Обнорский? Я же читал его статьи... Ну дела! А я его в последний раз в конце восьмидесятых... Или – в девяностом, он опять в свою Аравию собирался. Злой был, как черт, мы с ним напились тогда до зеленых соплей... И все – как сгинул парень, я даже думал, что нашел-таки свою пулю в барханах... А он, оказывается, Серегиным стал... У тебя координаты его есть?

Выдрин кивнул:

– Конечно, только дома. Ну так что, босс, берешь меня к себе?

Челищев долго молчал, курил и вздыхал. Наконец кивнул:

– Ладно, давай посмотрим, что получится... Побудешь со мной рядом – может, и сам передумаешь... Смотри только, как бы поздно не было... К нам попасть легче, чем уйти.

Сашок повеселел:

– Ну так ты же меня в обиду не дашь?

Челищев усмехнулся:

– Я сам-то на птичьих правах... Ох, Сашок, оставил бы ты эту затею.

Но Выдрин упрямо мотнул головой:

– Нет, а то и я в Югославию наемником умотаю, чем так жить... А что мне делать-то нужно будет? Долги вышибать? На пробивки[8 - Пробивка – разновидность наезда, разведка боем (жарг.).] ездить?

Сергей невесело рассмеялся и хлопнул Сашка по плечу:

– Это ты у господина Серегина начитался? Его главная ошибка в том, что он пытается загнать жизнь в схему. Делать пока не надо ничего, просто будешь со мной рядом. Мне, в принципе, действительно нужен человек, на которого можно опереться.

Настроение у Челищева опять резко испортилось, потому что ему вспомнилось, как примерно такие же слова говорила ему Катя, когда они неожиданно встретились минувшей осенью. Как будто целая жизнь прошла.

– Иди сейчас домой, Сашка, отдохни как следует, а я со всем этим говном раскручусь и сам тебя найду. Телефон только оставь. И подумай еще раз как следует...

Выдрин, видно, почувствовав перемену настроения у Сергея, кивнул, продиктовал телефон и ушел, оставив Челищева наедине с невеселыми размышлениями...

Антибиотик позвонил только ночью, когда половину братвы уже стал пробирать понос от сожранных на халяву яблок.

– Сережа? Ну слава Богу, груз уже у рыбоедов... Распускай пацанов и сам отдохни как следует. Дело сделано, через пару дней зеленые зашуршат...

Челищев растолкал безмятежно проспавшего все эти часы Доктора.

– Вставай, Толян, отмучились... Собирай у пацанов волыны, отвози их к Вальтеру и езжай к Татьяне. В середине дня мне завтра звякни на трубу – как отоспишься. А я поехал, спать хочу – умираю.

Сергей потряс сжатыми над головой руками, прощаясь с боевиками, и направился было к выходу, но Доктор догнал его:

– Адвокат, а свою «тэтэху»-то... забыл?

Челищев вынул из-за пояса пистолет, сунул было его Толику, но потом вдруг передумал:

– Я тебе его завтра отдам, пусть он пока со мной побудет.

Доктор пожал плечами: мол, смотри сам, добавил лишь:

– Ксиву не забудь написать.

Сергей улыбнулся:

– Адвоката учишь? Сейчас и напишу...

Он действительно присел на корточки и написал на страничке, вырванной из ежедневника: «Я, Челищев Сергей Александрович, 1963 года рождения, адвокат, проезжая по Пискаревскому проспекту, услышал шум и увидел побежавших куда-то людей, лиц которых разглядеть не смог из-за темноты. Выйдя из машины, я заметил на земле блестящий предмет, оказавшийся пистолетом ТТ со снаряженным магазином, заводской номер... Указанный пистолет я подобрал для последующей передачи в органы милиции. Число, подпись».

Доктор, заглядывая Сергею через плечо, кивнул и заметил:

– С этими ксивами главное – новые не забывать писать каждый день и старые сжигать... А то недавно менты Самовара прихватили, а у него таких писуллек штук семь на кармане – на три дня назад и четыре вперед... Тебе пацанами помочь?

Сергей покачал головой:

– Да ну, людей только смешить... У меня просто нервы разгулялись, отоспаться нужно, вот и перестанет дрянь всякая мерещиться... Да и к тому же – металл уже ушел, дело сделано... Давай, Толян, до завтра.

Челищев хоть и бодрился перед Доктором, по-мальчишески не желая выглядеть в чьих бы то ни было глазах трусом, на самом деле чувствовал себя далеко не так уверенно, как хотел бы. Потому и вольтуризм оставил – вроде обычная железка, а уверенности придает...

В полутемном дворе у своего подъезда ему стало еще более не по себе, а когда оказалось, что на лестнице горит лампочка только на самом верхнем этаже, Сергей ощутил настоящий страх. Он остановился, прислушался. Было тихо, лишь из-за двери в квартире на втором этаже доносились музыка и приглушенный женский смех.

Прижимаясь спиной к стене и сжимая во взмокшей руке пистолет, Челищев стал медленно подниматься. Ему казалось, что он очень громко дышит, и Сергей остановился, выравнивая дыхание. Страх не отпускал, заставлял крепче стискивать оружие. На мгновение Сергею захотелось повернуться и выбежать из подъезда, но потом ему стало стыдно: «Что-то ты, дядя Сережа, совсем дошел – темноты боишься, как маленький. Так действительно крыша может поехать. Взрослый мужик, а такой херней страдаешь...» Уговаривая себя таким образом, он поднялся до своей двери, облегченно вздохнул, снял ладонь с рукоятки ТТ и полез в карман куртки за ключами.

И в этот момент сверху, от окошка у мусоропровода, на него прыгнул человек с тусклым лезвием в правой руке. Сергей, почувствовав колебание воздуха, успел лишь повернуться к нападавшему, но удара ножом увидеть не смог. Направление удара было выбрано грамотно и точно – в левое подреберье, снизу вверх к сердцу, и не повстречайся нож с засунутым за ремень брюк на левом бедре пистолетом, быть бы Челищеву покойником. Но сталь ударилась о сталь, и лезвие скользнуло мимо, с противным скрипом распарывая кожу куртки. Сила удара была такова, что Челищева отшвырнуло в угол. В слабых отблесках света, падавших из окна на лестницу, Сергей увидел, как нападавший оскалил зубы, показавшиеся в темноте невероятно белыми, выставил вперед правую ногу и, крутанув кистью, описал клинком в засвистевшем воздухе стремительную восьмерку.

«Сейчас он меня убьет», – отрешенно подумал Челищев, но его правая рука жила самостоятельной жизнью. По крайней мере Сергей сам не понял, как успел выхватить оружие и сбросить его с предохранителя. Предохранитель щелкнул негромко, но гуттаперчевый человек с ножом, видимо, хорошо знал, что последует за этим звуком. Он резко присел и прыгнул вниз, через один лестничный пролет, потом через другой, и Челищев потерял его из виду. Звук еще одного прыжка, еще, потом несколько быстрых шагов и хлопок входной двери. И снова тихо, только сердце колотится о ребра да в висках кровь стучит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Бакинские – доллары (жарг.).

2

Скимаузе – грубое табасаранское выражение. Табасаране (табасаранцы) – народность в Дагестане.

3

На даче у хозяина – в зоне (жарг.).

4

Малява – письмо (жарг.).

5

Отмаксать – заплатить (жарг.).

6

Наружка – наружное наблюдение, слежка (жарг.).

7

Единица – прослушивание (жарг.).

8

Пробивка – разновидность наезда, разведка боем (жарг.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/konstantinov_andrey/sud-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)